

АЛЕКС РУДИН

ТАЙНОВИДЕЦ

ТОМ 3: УКРАДЕННЫЕ СНЫ

18+

Алекс Рудин
Тайновидец. Том
3: Украденные сны
Серия «Тайновидец», книга 3

*<https://litres.ru/72250501>
SelfPub; 2025*

Аннотация

В каждом томе — новая магическая история!

Молодому графу Александру Воронцову выпал уникальный магический Путь. Он стал Тайновидцем.

Теперь его призвание — магические тайны, интриги, загадки и преступления. Раскрывая их, Воронцов может развивать свой магический дар.

По законам Империи Александр не является наследником главы рода. Он — младший внук.

На его плечах не лежит ответственность за род. Зато он может наслаждаться другим сокровищем — свободой.

Александр селится в старом особняке на Каменном острове. Заглядывает по утрам в кофейню, где варит кофе тысячелетний джинн. Дружит с хранителем Незримой библиотеки.

Гуляет по волшебным кварталам Столицы, где за каждым углом творится магия.

Александр молод, умен и решителен. Глава рода Воронцовых прислушивается к его советам. А есть и другие влиятельные семейства. Иногда они попадают в трудные ситуации, выпутаться из которых можно только с помощью Тайновидца.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алекс Рудин
Тайновидец. Том
3: Украденные сны

Глава 1

– Вы ждете гостя, Набиль? – спросил я, с любопытством глядя через перила магической кофейни на заросший черемухой каменистый пляж.

На кустах серыми клочьями висел утренний туман. Из тумана, словно призрак, появился молодой человек очень примечательной внешности.

Высокий и худощавый, с растрепанными русыми волосами, он был одет в измятую полосатую пижаму и выглядел так, словно только что проснулся. Растерянно моргая, он с изумлением оглядывался по сторонам. Видно, не мог понять – куда он попал и как здесь оказался.

– Я никого не жду, Александр Васильевич, – ответил Набиль, удивленно разглядывая молодого человека. – Вы же знаете, каждый мой гость приходит в свое время.

Так оно и было. Я заглядывал к Набилю почти каждое утро – выпить чашечку изумительного кофе и поболтать с хозяином. И кофейня всегда была пуста.

Случайные люди и вовсе не забредали сюда. Кофейня располагалась на плоту, который покачивался на волнах в крошечной бухте Каменного острова. К бухте вела только одна незаметная тропинка, петляющая в высокой траве. Нужно было пройти по ней и подняться по скользким от утренней

росы деревянным сходням на палубу кофейни.

Но еще важнее то, что кофейня пряталась в другом магическом пространстве. Ничего удивительного – ведь ее хозяином был тысячелетний джинн, родом из затерянного в зыбучих песках города Лачанга. А джинны сами решают, кому показываться на глаза.

Так что даже если рассеянному горожанину случилось заблудиться в парке и выйти на маленький каменистый пляж – он не увидел бы ничего, кроме реки, гладких валунов, окатанных невскими волнами и нависающих над водой кустов черемухи.

Кофейня Набиля была надежно скрыта от посторонних глаз.

– Он очень странно одет, – заметил Набиль, имея в виду молодого человека, который растерянно топтался на берегу. – Как будто попал в парк прямо из постели.

– Спрошу, не нужна ли ему помощь, – решил я, поднимаясь со стула.

Но тут молодой человек подошел к самому берегу и буквально споткнулся о деревянные сходни. Удивленно уставился на них, а потом перевел взгляд на Набиля.

– Это что, кофейня? – хриплым сонным голосом спросил он.

Не дожидаясь ответа, он поднялся по скользким доскам на борт и подошел к стойке. На ногах у него были домашние тапки без задников.

– Вы можете сварить мне кофе? – спросил молодой человек. – Никак не могу проснуться.

– Разумеется, – учтиво кивнул Набиль и взялся за серебряную джезву.

Гость растерянно похлопал себя по карманам пижамы.

– Кажется, я не при деньгах, – пробормотал он.

– Ничего страшного, – с улыбкой успокоил его Набиль. – Заплатите в другой раз.

– Благодарю вас.

Пока Набиль наполнял джезву холодной водой и насыпал в нее кофе, молодой человек не переставал удивленно оглядываться по сторонам.

– Никогда не видел здесь кофейни, – сказал он. – Я живу за мостом и часто гуляю в этом парке.

Я смотрел на него во все глаза. Похоже, мне только что открылась еще одна тайна – я узнал, как посетители впервые попадают в магическую кофейню.

– Присядьте за столик и подождите, – вежливо предложил Набиль.

– Да, конечно.

Молодой человек неуклюже повернулся и направился к свободному столику, по пути рассеянно кивнув мне. Он тяжело опустился на стул, оперся локтями на столик и спрятал лицо в ладонях. Его голова клонилась все ниже. Не прошло и нескольких секунд, как он опустил голову на стол и заснул.

Я поднялся из-за столика и подошел к Набилю.

– Часто к вам забредают новые посетители? – с улыбкой спросил я

Джинн задумчиво покачал головой.

– Одеты в пижаму – впервые.

Он покосился на безмятежно спящего гостя.

– Есть в этом человеке что-то странное. Как будто он не должен здесь находиться.

– Вам виднее, – улыбнулся я. – Надеюсь, его появление не означает, что мне пора откланяться?

– Ни в коем случае, – заверил меня джинн.

– Тогда я попрошу вас сварить мне еще кофе. Любопытно, что будет дальше.

– Конечно, Александр Васильевич, – кивнул Набиль и наполнил водой вторую джезvu.

Тут из-за деревьев наконец-то выглянуло утреннее солнце. Оно позолотило легкую рябь на воде и осветило кофейню. В солнечном свете я заметил кое-что настолько интересное, что удивленно поднял брови.

Спящий за столиком молодой человек был прозрачным. Не полностью – но яркие солнечные лучи проходили сквозь него.

– Вы тоже это видите, Набиль? – спросил я.

– Да, – подтвердил Набиль. – Кажется, это призрак. Странно, что я сразу не заметил.

– А призраки тоже к вам заглядывают? – поинтересовался я.

– Изредка такое случается, – с безмятежной улыбкой подтвердил Набиль. – Хорошо, что вы вовремя заметили. Для призраков нужен особый кофе, обычный они пить не могут.

Он наполнил чашку ароматным напитком и добавил молоко. Затем небрежно взмахнул рукой и сбросил приготовленный кофе на палубу.

Я ожидал, что чашка разлетится на осколки, а кофе выплеснется. Но, пролетев примерно половину пути, чашка просто-напросто исчезла. Растаяла в воздухе без следа.

А на стойке остался стоять ее призрак. Это было понятно с одного взгляда – солнечный свет свободно проходил сквозь тонкий фарфор. Кофе в чашке светился, словно особенно темный янтарь.

– Ничего себе! – удивился я. – Вот уж не думал, что у материальных предметов есть призрачная составляющая.

– Она есть у чего угодно, – заверил меня Набиль. – У людей и у вещей. Даже у запахов.

Из любопытства я решил дотронуться до призрачной чашки. Но у меня ничего не вышло. Пальцы прошли насквозь, словно солнечный свет. Я даже ничего не почувствовал.

Набиль наполнил вторую чашку. Ронять ее он не стал. Просто пододвинул ко мне.

– Это вам, Александр Васильевич. А я пока отнесу кофе гостю.

Мой магический дар только этого и ждал. Он мягко, но

решительно трепыхнулся в груди.

– Скажите, Набиль, а раньше случалось так, что один гость приходил до ухода другого?

– Нет. Но все когда-то случается впервые.

– Пожалуй, я поговорю с этим странным призраком, – решил я – Почему-то мне кажется, что он не просто так появился именно в это время. Возможно, он пришел ко мне, а не к вам.

– Да, такое может быть, – согласился Набиль.

Он ловко подхватил призрачную чашку. Я взял свою, и вслед за джинном направился к столику, за которым дремал удивительный гость.

Набиль поставил перед ним чашку, но призрак даже не шелохнулся. Я сел напротив и легко постучал серебряной ложечкой по фарфору.

– Доброе утро! Ваш кофе готов.

Молодой человек вскинул голову и недоуменно огляделся.

– Снова кофейня? Раньше сны не повторялись так детально.

Он перевел взгляд на меня.

– Вас я тоже видел. Только вы сидели за другим столиком.

– Так и было, – кивнул я. – Вы заказали кофе и задремали в ожидании. Кое-что показалось мне любопытным, и я пересел к вам. Вы не против?

– Нет, что вы, – ответил призрак. – Прошу. Говорите, я задремал?

Он выдохнул с облегчением. Потом легко взял призрачную чашку и сделал глоток призрачного кофе.

– Очень вкусно и очень крепко, – благодарно кивнул он Набилю. – Именно то, что мне сейчас нужно.

На редкость уравновешенный призрак. Пожалуй, с ним можно поговорить.

– Граф Александр Васильевич Воронцов, к вашим услугам, – представился я. – Меня еще называют Тайновидцем.

– Вы – Тайновидец?

Серые зрачки призрака удивленно расширились. Он был так впечатлен, что чуть не поставил чашку мимо блюдца.

– То есть, господин Тайновидец, – поправился он. – Простите, ваше сиятельство. Мне вас сама магия послала!

– Все в порядке, – улыбнулся я. – Почему вы так обрадовались нашей встрече?

– Я много слышал о вас, и сам хотел к вам обратиться, – признался призрак. – Но не решился. Вы – граф, а я простой помощник архитектора.

– Вы хотите сказать, что были помощником архитектора при жизни, – уточнил я.

Призрак вытаращился на меня. Его взгляд выражал крайнее изумление.

– Что значит “при жизни”? Я и сейчас жив!

Я задумчиво почесал подбородок. Положение было за-

труднительное.

Похоже, призрак до сих пор не осознал, что умер. Вот почему он так спокоен.

Но что станет с ним, если я открою ему глаза?

И все же я решил говорить напрямик. Иначе разговор рисковал быстро зайти в тупик.

– Вы только считаете себя живым человеком, – мягко сказал я. – На самом деле, вы – призрак. Посмотрите на свою руку.

Призрак недоуменно уставился на свою ладонь.

– Посмотрите на свет, – подсказал я.

Он поднял руку, взглянул сквозь нее на мое лицо и нервно улыбнулся.

– Ну, и дела! Чего только не увидишь во сне! Получается, я весь прозрачный? Неудивительно, что вы приняли меня за мертвеца. Господин Тайновидец, вы все неправильно поняли. Уверяю вас, я не умер. Я просто сплю. А вы мне снится.

Он даже рассмеялся, но смех его звучал не очень уверенно.

Настала моя очередь удивляться. Я вопросительно посмотрел на Набиля.

– Такое тоже бывает? Люди заглядывают к вам во сне, и они похожи на призраков?

– Никогда не сталкивался ни с чем подобным, – развел руками Набиль.

– Я живой!

Призрак заметно нервничал, переводя взгляд с меня на джинна. Поэтому я успокаивающе поднял ладонь.

– Хорошо. В конце концов, это не имеет большого значения.

– Как это “не имеет значения”? – еще больше запаниковал призрак.

– Я только хотел сказать, что в любом случае готов внимательно выслушать вас, – примирительно улыбнулся я.

– Но я живой! Я могу это доказать!

Похоже, этот вопрос захватил все внимание призрака.

Я внимательно и серьезно посмотрел ему в глаза.

– Простите, господин помощник архитектора. Я ошибся. Конечно же, вы – не призрак. Просто до сих пор мне не доводилось сниться людям и при этом разговаривать с ними.

Мой уверенный тон немного успокоил странного гостя. Он глубоко вдохнул и взял себя в руки.

Я одобрительно кивнул.

– А теперь расскажите, о чем вы хотели поговорить со мной?

– О моих снах. В последнее время я вижу неприятные сны. Нет, не так. Сначала у меня была бессонница. А теперь я снова стал спать. Но сны, которые я вижу, мне очень не нравятся.

Я терпеливо вздохнул. Возможно, молодой человек и не был призраком. Но объяснялся он довольно путано.

– Давайте, начнем с самого начала, – предложил я. – Ес-

ли позвольте, я буду задавать вопросы, а вы отвечайте. Как ваше имя?

Призрачный помощник архитектора растерянно заморгал. Но сделал еще глоток кофе и быстро взял себя в руки.

– Меня никогда не допрашивали во сне, – смущенно улыбнулся он. – Простите, господин Тайновидец! Я знаю, что вы еще и не такое можете. Но это так необычно. Меня зовут Савелий Куликов.

– Вы помощник архитектора?

– Да. Я служу у господина Изразцова. Матвей Дмитриевич Изразцов, вы наверняка о нем слышали. Он строит дачи в районе Шувалова. И даже перестраивал особняк князей Толкушиных.

Савелий Куликов произнес это с гордостью и многозначительно посмотрел на меня.

– А вы – его помощник? – уточнил я.

– Не совсем, – смутился Куликов. – Но Матвей Дмитриевич не сердится, когда я так говорю. На самом деле, я просто копирую чертежи и составляю письма заказчикам. Но Матвей Дмитриевич обучает меня, а недавно поручил мне самостоятельный проект.

– Очень рад за вас, – улыбнулся я. – А где вы живете?

– Я живу в Песочном переулке, вместе с мамой. Мы снимаем квартиру в доме с башенкой.

– Это неподалеку от Шепчущего моста?

– Совершенно верно, – обрадовался Куликов. – Переулок

выходит на набережную. Знаете, я часто гуляю в этом парке. Здесь лучше думается. Но эту кофейню я никогда не замечал, хотя был уверен, что знаю в парке каждый уголок.

Господин Куликов ошибался, но говорить ему об этом я не стал. Вместо этого попросил у Набиля бумагу.

– Назовите мне ваш точный адрес, – сказал я Куликову.

– Песочный переулок, дом семь. Квартира на втором этаже.

Я записал адрес. Надо будет сходить туда и проверить слова призрака.

– Расскажите о вашей бессоннице, – предложил я. – Когда она началась?

– Примерно месяц назад. Я много думал над проектом, который поручил мне Матвей Дмитриевич. Не спал почти до утра, все чертил, делал наброски и эскизы. А когда, наконец, лег в постель, то понял, что не могу заснуть. Это продолжалось неделю, и я совершенно измучился. И тогда мама посоветовала мне пойти к мастерице снов.

– Как вы сказали? – удивился я. – Мастерица снов?

– Да, – охотно кивнул Куликов. – Вера Павловна Милосердова – чудесная старушка! Она угостила меня яблочным вареньем. А потом сделала мне на руке магическую печать, и я снова стал спать.

– Вы можете показать мне печать? – спросил я.

– Конечно, – улыбнулся Куликов.

Он закатал правый рукав пижамы. На бледной коже его

предплечья красовался странный рисунок – волк, задравший голову к маленькому кружку луны. Рисунок был выполнен цветными чернилами, глубоко въевшимися в кожу.

– Интересно, – улыбнулся я. – Что означает этот рисунок?

– Я точно не знаю, – пожал плечами Куликов. – Но спать с тех пор я стал хорошо. Если бы не эти сны...

– Расскажите мне о них, – кивнул я.

– Они случаются не каждую ночь. Но... Честно говоря, господин Тайновидец, с недавних пор я их боюсь.

Савелий Куликов поежился.

– Мне снится, что я стою на берегу моря. пляж усыпан гранитными валунами, на них с легким шелестом накатываются волны и уходят, оставляя за собой кружевные разводы пены. Пахнет свежестью и водорослями. Прибой приносит с собой вырванные с корнем длинные зеленые стебли, и они липнут к камням. А над головой пронзительно кричат чайки.

– Пока ничего страшного, – улыбнулся я.

– Не скажите, господин Тайновидец, – не согласился Куликов. – В этом сне меня охватывает ощущение тоски. Такой, знаете – щемящей и зовущей одновременно. Я не могу находиться на этом берегу, и уйти с него тоже не могу. Так и брожу до утра, а потом просыпаюсь.

– Этот берег вам знаком? – спросил я. – Возможно, вы когда-то бывали в таком месте?

– Да, – кивнул Куликов. – В детстве отец часто водил меня к морю. Мы часами гуляли по берегу. Он был моряком, ка-

питаном... Этот берег выглядит точно так же. Но я не могу узнать место. Знаете, как это случается во сне? Все знакомое и незнакомое одновременно.

– Что случилось с вашим отцом? – спросил я.

– Он погиб вместе с кораблем. Ушел в море и не вернулся.

Мне тогда было четырнадцать.

– Соболезную, – сочувственно кивнул я.

– Да, нам с мамой пришлось тяжело, – грустно сказал Куликов. – Денег не хватало. Мама работала целыми днями, но настояла, чтобы я закончил гимназию и поступил в училище. Зато теперь я могу ей помогать.

– Это очень хорошо, – улыбнулся я. – Но что случилось сегодня? Как вы попали сюда?

– Сегодня в моем сне был ветер, – тихо сказал Куликов. – Море потемнело, по нему шли волны с пенными гребнями. И я услышал голос. Он был похож на голос отца.

– И что он сказал? – нахмурился я.

– Я не расслышал из-за ветра. Знаете, сердце словно стиснуло ледяной рукой, и я... бросился бежать.

Куликов опустил глаза, словно ему стало стыдно.

– Любой на вашем месте испугался бы, – кивнул я.

– Кажется, я бежал через парк. Очень хотел проснуться, но ничего не получалось, и это пугало еще больше. Потом в боку закололо, и я перешел на шаг. Заметил какую-то тропинку, свернул на нее и вышел к кофейне.

Куликов жалобно посмотрел на меня.

– Хорошо, что вы оказались здесь, господин Тайновидец. Вот, я поговорил с вами, и мне сразу стало легче.

Он перевел взгляд на Набиля, который протирал чашки, краем уха прислушиваясь к нашему разговору.

– От всего сердца благодарю вас. Кофе такой вкусный и... я непременно занесу вам деньги!

– На здоровье, – улыбнулся Набиль.

Вдруг Куликов поднял голову и к чему-то прислушался.

– Прошу прощения, но мне пора, – неожиданно сказал он. – Будильник звенит. Нужно просыпаться и идти на службу.

Я тоже прислушался, но не услышал никакого звона.

– Рад был с вами познакомиться, господин Тайновидец, – сказал Куликов.

И вдруг стал таять в воздухе. Он по-прежнему сидел за столиком, но становился все прозрачнее. И в конце концов, совсем исчез.

– Спасибо, что выслушали! – донесся до меня его голос.

Призрачная чашка с недопитым кофе осталась стоять на столе.

Я взглянул на хозяина кофейни и удивленно хмыкнул:

– Что это было, как вы думаете, Набиль?

– Новая тайна, Александр Васильевич? – предположил джинн.

Глава 2

Удивленно качая головой, я допил остывший кофе и вернул чашку на стойку.

– Что вы думаете о рассказе господина Куликова, Набиль?

– Вам самому хочется разобраться в его истории, – пронищательно заметил джинн.

– Хочется, – не стал отрицать я. – Ведь не случайно же он забрел в вашу кофейню именно сегодня утром. Не случайно рассказал нам о своих снах, а потом исчез прямо у нас на глазах.

Я задумчиво провел пальцем по стойке.

– Знаете, чем чаще я сталкиваюсь с магией, тем вернее убеждаюсь в том, что случайностей не бывает.

– Еще кофе? – предложил Набиль.

– Пожалуй, – кивнул я. – Только сделайте мне маленькую порцию крепкого ристретто. Разумеется, без сахара и молока.

Набиль поколдовал над жаровней и через минуту вручил мне крохотную чашечку, на дне которой тягуче переливалась черная, словно деготь, жидкость.

Я сделал глоток и поморщился – кофе был чертовски горьким, а от его крепости у меня чуть глаза на лоб не полезли.

– Вот, теперь я точно понимаю, что не сплю, – усмехнулся

я. – Ваш кофе способен оживить любого призрака.

– Что вы собираетесь делать, Александр Васильевич? – спросил Набиль.

– Пожалуй, загляну в Песочный переулок. Удостоверюсь, что господин Куликов, действительно, жив и здоров. А заодно спрошу у него адрес этой мастерицы снов. Знаете, каждый раз, когда я сталкиваюсь с незнакомой магией, меня охватывает настоящий охотничий азарт.

– Это все ваш дар, – уважительно кивнул Набиль.

– Да, – усмехнулся я.

Одним глотком допил ристретто, снова поморщился и аккуратно поставил чашку на блюдце.

– Заглянете завтра утром? – спросил Набиль. – Мне тоже любопытно, чем кончится эта история.

– Непременно, – улыбнулся я. – Завтра утром, или в другое время – как выпадет свободная минута.

– Вы правы, Александр Васильевич, – неожиданно сказал Набиль. – Когда имеешь дело с магией, случайностей не бывает.

Я помахал ему рукой и легко сбежал по деревянным сходам на пляж. До Шепчущего моста проще всего было дойти напрямик через парк. Но я решил не спешить и прогуляться вдоль берега.

И тут в сознании раздался зов Игната.

– Ваше сиятельство, вам бы вернуться домой. Тут беда!

Голос слуги звучал испуганно.

– Что случилось, Игнат? – насторожился я.

– Приехал ваш батюшка с Анной Владимировной. Он очень сердит.

Вот, не было печали!

Мы с отцом не виделись уже пару недель. И зов друг другу тоже не посылали – за последний год мы оба благополучно избавились от этой привычки. Несмотря на потепление в наших отношениях, к тесному общению с отцом я не стремился. Да и он тоже, судя по всему.

И вдруг, взял – и приехал! Это неспроста.

– Не паникуй, Игнат, – сказал я. – Проводи гостей в дом и предложи им чаю. Я скоро приду.

– Так в том-то и беда, ваше сиятельство! – доложил Игнат. – Дом вашего батюшку ни в какую не пускает. Оставил за калиткой, и все.

От неожиданности я чуть не расхохотался, но вовремя взял себя в руки.

Надо же, а у моего дома хорошая память! Он не забыл нашу ссору с отцом, и по-прежнему защищал меня.

– Может, его сиятельству чай к калитке вынести? – испуганно предложил Игнат.

– Не нужно, – улыбнулся я. – Я подойду через пару минут и все улажу.

– Вы уж поторопитесь, Александр Васильевич!

Черный отцовский мобиль стоял на подъездной дорожке,

перекрыв въезд в гараж. Отец сердито расхаживал перед калиткой, заложив руки за спину и крепко сцепив пальцы. Его напряженная спина выдавала крайнее возмущение.

Меня удивила одежда отца – он был в охотничьем костюме и высоких сапогах. Не самый подходящий наряд для того, чтобы навестить сына.

Анна Владимировна стояла возле мобиля. Она была в сером брючном костюме. С озабоченным выражением на лице она следила за метаниями моего отца. Заметив меня, Гораздова облегченно выдохнула.

– Анна Владимировна, очень рад вас видеть! – поздоровался я.

– Здравствуйте, Александр Васильевич, – приветливо откликнулась Гораздова.

Отец резко развернулся на каблуках и уставился на меня.

– Александр, что за... – резко начал он.

И тут же прикусил губу.

– Добрый день, Василий Игоревич, – улыбнулся я. – Не ожидал, что вы заглянете.

Отец хотел еще что-то сказать, но Анна осторожно потянула его за рукав.

– Мы сами не ожидали, что заедем, – с улыбкой сказала она. – А ваш особняк очень бережет ваш покой.

– Поэтому я здесь и живу, – кивнул я, открывая калитку.

Я задержал ладонь на холодной чугунной перекладине и попытался послать зов дому.

– Это мой отец, – сказал я. – Иногда он бывает невыносим, но я ценю его попытки наладить отношения.

Дом, как всегда, ничего не ответил. Большую часть времени он старательно прикидывался самым обычным старым домом, а я поддерживал эту игру. Ведь каждый имеет право казаться, кем захочет, не так ли?

Но я ощутил в груди волну тепла – дом дал понять, что слышит меня.

– Прошу, – сказал я.

Анна, не колеблясь, вошла в сад. Отец хмуро поглядел по сторонам, но тоже решился. При этом он не споткнулся о какой-нибудь внезапно выросший под ногами пучок травы и не застрял в проеме калитки.

Дом внял моей просьбе.

– Спасибо, – беззвучно сказал я.

И поманил Игната, который опасливо выглядывал из-за двери:

– Игнат, будь добр, принеси чай в столовую.

– Не нужно, – резко отказался отец. – Мы заехали буквально на минуту, и уже потеряли много времени.

Он демонстративно взглянул на часы, но я не обратил на это внимания. Манеры отца давно перестали меня задевать.

Анна снова дотронулась до его руки, словно успокаивая. И у нее получилось – отец с шумом втянул воздух, но все же немного расслабился.

– Поговорите с глазу на глаз, – предложила Анна. – А я

с удовольствием посмотрю сад, если Игнат меня проводит. Можно, Александр Васильевич?

– Конечно, – кивнул я.

Невеста моего отца была магом природы. Ей куда привычнее было общаться с растениями, чем опекать недовольного жениха. Но она, все же, взяла отца за руку и тихо сказала:

– Прошу вас.

Анна не договорила – за нее все сказала мягкая улыбка.

– Хорошо-хорошо, – насупившись, буркнул отец. – Так где мы можем поговорить?

– Прошу в мой кабинет, – пригласил я.

Недовольство на лице отца уступило место удивлению.

– У тебя есть кабинет?

– Да, – улыбнулся я. – Сам не ожидал.

Мой отец обладал удивительным свойством характера – даже сам того не желая, он каждую свою фразу умудрялся превращать в колкость. Но ответное дружелюбие всегда обезоруживало его, и я успешно этим пользовался.

На этот раз в кабинете было только два кресла. Одно из них стояло за рабочим столом, другое – напротив. По замыслу дома, именно в нем должен был сидеть посетитель.

Это отцу тоже не понравилось – по его мнению, это ставило его в невыгодное положение. Наверное, дом именно потому и убрал третье кресло.

Я впервые задумался – а почему, собственно, дом, кото-

рый принадлежал моей матери, так не любит моего отца? Что произошло между ними?

Но решил отложить эти мысли до более удобного момента.

Отец снова недовольно поджал губы, но смирился и опустился в кресло для посетителей. Занимать место за столом было бы слишком даже для него.

– Присядь, – буркнул он.

Я опустился в рабочее кресло и удобно откинулся на спинку.

– Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня и Анны, – без предисловий начал отец.

Не самое удачное начало разговора. Отец словно нарочно старался не дать мне возможности проявить терпение.

– Вам нужна моя помощь? – прямо спросил я.

На этом наш разговор чуть было не закончился. Пальцы отца напряглись и стиснули ручки кресла. Но он пересилил себя и остался сидеть.

– Да! – чуть было не выкрикнул он. – Теперь ты доволен?

Я равнодушно пожал плечами.

– Не вижу в этом ничего особенного. В семье принято помогать друг другу. Так что у вас случилось?

– Ничего не случилось, – отрезал отец. – В кои-то веки я решил обратиться к тебе с просьбой. Но если тебе трудно...

– Хотите воды? – предложил я.

Не дожидаясь ответа, поднялся, налил воду из графина в

хрустальный стакан и протянул отцу.

– Выпейте и расскажите, чем вы недовольны. Вряд ли десять минут ожидания возле калитки могли вас так разозлить. А потом, когда вам станет легче, перейдем к главному.

Я говорил прямо, уже не заботясь о том, как отреагирует отец. В конце концов, всему есть предел. И моему терпению тоже.

Отец сделал несколько глотков и поставил стакан на стол.

– Это все твой дед. Он затеял рыбалку с деловыми партнерами и решил, что мы с Анной непременно должны присутствовать. Настало время официально объявить о нашей помолвке всем, кто сотрудничает с нашим родом.

– Так вот почему вы в охотничьем костюме, – улыбнулся я.

– А ты думал, это мои причуды? – огрызнулся его сиятельство.

– Я правильно понимаю, что сбор назначен в Воронцовке? – спросил я.

Воронцовкой называлось личное имение деда. Игорь Владимирович купил его, чтобы иногда отдыхать от городской суеты. Имение раскинулось на берегу лесного озера. Двухэтажный хозяйский дом стоял среди соснового леса, а домики для гостей рассыпались по самому берегу – так, что рыбу можно было удить прямо с крытой веранды.

Охоту дед не жаловал и выезжал на нее только по приглашению императора. А вот рыбалку любил и частенько хва-

стался уловом.

– У меня деловые заботы, – поджал губы отец. – Договора, проверки. Свадьба на носу! А он устраивает этот выезд на природу. Что там делать? Морщиться от дыма и кормить комаров?

– Вы могли бы отказаться, – улыбнулся я.

– Ничего другого я от тебя и не ожидал, – упрямо покачал головой отец. – Отказаться! Соберутся все деловые партнеры нашего рода. Но тебе до этого дела нет, я понимаю. Ты бы, конечно, сделал по-своему.

– Да, – честно сказал я.

– Иногда нужно уметь жертвовать своими интересами ради интересов семьи, – наставительно сказал отец.

Мне стало смешно. Что-то не видно, чтобы он шел на эту жертву с большим желанием. Впрочем, каждый сам выбирает, как ему жить.

– Надеюсь, рыбалка не затянется надолго, – только и сказал я.

– Я тоже на это надеюсь, – буркнул отец.

Я прекрасно понимал, почему Игорь Владимирович не позвал меня в Воронцовку. Во-первых, мы с ним любили проводить время без посторонних, а не встречаться изредка в толпе званных гостей. Во-вторых, он не хотел давать нам с отцом лишний повод поцапаться.

И я очень ценил тактичность Игоря Владимировича.

Вот разъедутся гости, и мы как-нибудь скатаемся в Во-

ронцовку вдвоем, на моем мобиле. Сядем с удочками на берегу и будем неторопливо беседовать, глядя на уснувшие на темной воде полавки. И никакой дым с комарами нам не мешает.

– Еще немного, и мы опоздаем, – сказал отец, взглянув на часы. – Ты готов меня выслушать?

– Разумеется, – улыбнулся я.

Прежде, чем заговорить, отец сделал еще глоток воды.

– Ты знаешь, что скоро наша свадьба с Анной Владимировной, – сказал он. – Я рад, что ты доброжелательно отнесся к моему выбору. И хочу просить тебя об услуге.

Выпустив пар, он наконец-то заговорил нормальным человеческим языком.

– Я бы хотел, чтобы угощением на свадебный стол занимался господин Иевлин. Ты его знаешь.

Такого я точно не ожидал. Поэтому сильно удивился и даже не подумал скрыть свое удивление.

– Почему именно Иевлин? Он удивительный повар, но характер у него не самый сговорчивый.

– Я знаю, – снова нахмурился отец. – Но для этого у меня есть веская причина. Не хочу говорить о ней раньше времени, просто сделай труд поверить мне на слово хотя бы раз в жизни.

Снова начались колкости, усмехнулся я. До чего, все-таки, у отца трудный характер! Или он только в моем присутствии не может сдержаться?

– Хорошо, – кивнул я. – А чем я могу вам помочь?

– Поговорить с Иевлиным, конечно, – раздраженно откликнулся отец.

– А почему вы не можете пригласить его сами?

Отец отвел взгляд в сторону.

– Потому что он даже не соизволил ответить на мой зов. Проигнорировал меня. И это еще не все! Я отложил все дела и поехал к нему. И что же?

– Он вас не впустил? – улыбаясь, предположил я.

– Вот именно! Трактир оказался закрыт, и на мой стук никто не отозвался.

– Думаю, господин Иевлин был очень занят на кухне, – предположил я. – В такие моменты окружающий мир для него не существует.

– Я вообще не понимаю, как люди с таким подходом к делам могут ими заниматься, – пожаловался отец.

– Ну, у каждого свой подход, – улыбнулся я. – Вы так и не скажете мне, зачем вам понадобился именно господин Иевлин?

– Нет, – помолчав секунду, ответил отец. – Это слишком щекотливый вопрос, и я не хочу о нем распространяться.

– Ваше право, – отступил я. – В таком случае, все, что я могу сделать – это попросить господина Иевлина встретиться с вами. Уговаривать его вы будете сами. Подходит вам такой вариант?

– Мог бы и не останавливаться на половине дороги, – про-

ворчал отец.

– Именно на этом я и останавлиюсь, – твердо сказал я. – Не хочу быть обязанным господину Иевлину по неизвестной причине.

– Что ж, и на том спасибо.

Отец решительно поднялся из кресла. Я только сейчас понял, как неуютно ему находиться в моем доме.

– Хотите совет? – спросил я.

Первым порывом отца было гордо отказаться. Но он пересилил себя и кивнул.

– Попросите Анну Владимировну переговорить с господином Иевлиным, – улыбнулся я. – И постарайтесь вообще с ним не встречаться. Вам будет трудно сойтись характерами.

– Благодарю, – сухо кивнул отец. – Ты проводишь меня, или мне самому искать дорогу к выходу?

Он был неисправим. Но я твердо решил держаться. Хотя бы для того, чтобы не стать на него похожим.

– Конечно, – кивнул я и тоже поднялся.

После прохлады кабинета летнее тепло показалось особенно приятным. Или это было облегчение от того, что отец сейчас уедет?

Анна Владимировна увлеченно беседовала с Игнатом, склонившись над грядками клубники.

– Александр Васильевич, – сказала она, увидев нас. – Вы знаете, что ваша вишня в опасности? Вот, посмотрите!

Не обращая внимания на отца, который нетерпеливо хмурился, она подвела меня к дереву. Встала на цыпочки и протянула к себе нижнюю ветку.

– Видите?

Девушка показала мне на бурые пятна, которыми были густо усеяны продолговатые листья.

– Если оставить все, как есть, дерево может погибнуть.

Мне было жаль старую вишню. Судя по толщине ствола, она росла в этом саду еще до моего рождения и каждый год исправно приносила крупные и сладкие темно-красные ягоды.

– Это лечится? – спросил я.

– Конечно, – уверенно кивнула Анна Владимировна. – Нужно только ваше разрешение.

– Прошу вас, – без колебаний кивнул я.

– Это займет несколько минут, – предупредила Гораздова. – Мне нужно поговорить с деревом.

Мы отошли на несколько шагов. Анна Владимировна обняла вишню. Закрыла глаза, прижалась лбом к гладкой коре и некоторое время стояла без движения. Мы молча смотрели на то, как сильный маг природы творит свое волшебство.

– Вот и все, – сказала девушка, открывая глаза. – Теперь дерево будет здорово.

– Благодарю вас, – улыбнулся я.

И тут что-то случилось.

Глаза Гораздовой изумленно распахнулись. Она вздрог-

нула, словно ее ударило молнией. А потом, не разжимая рук, осела на землю.

Отец первым бросился к ней.

– Аня, что с тобой?

– Игнат, воды, – быстро сказал я. – В кабинете есть графин.

– Не нужно, – слабым голосом сказала Гораздова. – Сейчас все пройдет.

Отец держал ее под руки, потом помог подняться.

Все же, я сам сходил за водой – так было быстрее.

– Благодарю вас, – кивнула Гораздова, принимая стакан.

Она была бледна и смотрела в землю, словно напряженно думала о чем-то.

– Что с вами случилось? – спросил я. – Это последствия вашей магии?

– Нет, – ответила Анна. – То есть, да.

Она посмотрела на меня. Потом перевела взгляд на отца и снова опустила глаза.

– Мне уже лучше, благодарю. Наверное, нам нужно ехать.

– Да, – нетерпеливо сказал отец. – Но если тебе нехорошо, мы можем остаться. Я предупрежу Игоря Владимировича.

– Не нужно, – покачала головой Гораздова. – На свежем воздухе мне станет лучше.

Пока отец заводил мобиль, Анна Владимировна взяла меня за руку.

– Знаете, кто посадил эту вишню? – шепотом спросила

она. – Ваша мама.

– Вы поняли это, когда прикоснулись к дереву?

– Да, – кивнула Анна. – Я на одно мгновение увидела ее.

И одними губами добавила:

– Потом. Сейчас не время.

Я несколько минут смотрел вслед мобиле. Потом вернулся в сад и тоже прижался лбом к старой вишне. Кора дерева была теплой от солнца, но мне показалось, что тепло идет изнутри дерева.

Глава 3

– Может, пообедать изволите, ваше сиятельство? – предложил Игнат, когда неожиданные гости уехали. – Я свежих щей наварил с говядиной. И сметана есть. Густая, сладкая – пальчики оближешь!

Слуга просительно смотрел на меня.

– Щи с говядиной? – улыбнулся я. – А, давай! Накрой на кухне, пообедаем вместе.

Обрадованный Игнат принялся разогревать щи и накрывать на стол. А я вернулся в кабинет и рассмеялся от неожиданности.

Третье удобное кресло уже вернулось на место, и столик с шахматными фигурами, как ни в чем не бывало, стоял у стены.

– Значит, не нравится тебе мой батюшка? – спросил я вслух, подкидывая в руке тяжелую костяную фигурку ладьи в виде осадной башенки с зубцами. Фигурка была тяжелой и теплой на ощупь.

Дом ничего не ответил. Но по кабинету словно пролетел порыв холодного ветра. Это был не обжигающий холод, а сквозняк. От него возникло отчетливое неуютное ощущение.

– Не нравится, – кивнул я. – Но поделать нечего. Придется как-то выстраивать отношения – все же, мы принадлежим к

одному роду. Не слишком умно враждовать из-за таких пустяков, как разные взгляды на жизнь. Согласен?

Дом снова промолчал. Но сквозняк прекратился, и я счел это знаком согласия.

– Спасибо, – улыбнулся я.

Наклонился над шахматной доской, внимательно оценивая позицию. Дом в этот раз играл белыми и атаковал, умело используя преимущество первого хода.

– Давай-ка, я короля уберу от тебя подальше, – решил я, делая рокировку. – Вот так! Теперь атакуй на здоровье.

Я еще немного посидел в кресле, глядя на украшенный лепниной потолок и наслаждаясь одиночеством. Потом перевел взгляд на окно и удивленно поднял брови. В окне появился витраж. Он был искусно выложен из цветных кусочков стекла. Солнечный свет, проходя сквозь них, превращался в мягкое золотистое свечение.

Витраж изображал человека в длинном темно-синем плаще с капюшоном. В руке человек держал старинный золотой фонарь.

– Красота какая! – улыбнулся я. – Это знак, что мы договорились?

И не поверил глазам – фонарь на витраже едва заметно качнулся вверх-вниз.

Откладывать разговор с Иевлиным я не стал. Если уж пообещал отцу помочь, то сделаю это поскорее.

На удивление, бывший императорский повар отозвался сразу.

– Рад вас слышать, господин Тайновидец.

Даже в его мысленной речи явственно слышались привычные ворчливые нотки.

– Взаимно, господин Иевлин, – улыбнулся я.

И не стал тянуть время, а сразу перешел к делу.

– Я к вам с просьбой.

– Внимательно слушаю, Александр Васильевич.

– Мой отец собирается жениться. По какой-то причине ему очень важно, чтобы угощением на свадьбу занялись именно вы. Вы могли бы поговорить с ним об этом?

– Поговорить-то можно... – помолчав, отозвался бывший императорский повар. – Только вот о характере вашего батюшки я наслышан. Да и сам я не сахар, честно говоря. Думаете, мы сможем с ним поладить?

Он снова замолчал, а потом спросил:

– Вам очень важно, чтобы я согласился?

– Не очень, – откровенно признался я. – Мне было важно передать вам просьбу отца. Но решать вам. Я в любом случае благодарен за разговор.

– С вами удивительно легко иметь дело, Александр Васильевич, – проворчал Иевлин. – Хорошо, я подумаю.

На этой доброжелательной ноте мы распрощались.

– Ваше сиятельство, обед готов! – торжественно объявил

Игнат, появляясь в дверях кабинета. – Извольте кушать!

Впечатление не портил даже клетчатый кухонный фартук, который Игнат позабыл снять.

– Ты настоящий дворецкий, – рассмеялся я, поднимаясь из кресла. – Идем!

Щи получились отменные – густые, наваристые, с тонко шинкованной капустой и полосками сладкого перца. Сметана плавала в них белоснежным айсбергом.

– Вкусно, ваше сиятельство? – озабоченно спросил Игнат.

– Очень! – промычал я, не переставая работать ложкой. – Накормил на славу. Где ты научился так кулинарить?

– Так это же простая еда, деревенская, – удивился Игнат. – А с городскими трактирами все равно не сравнить.

В его словах мне послышался явный намек.

– Не скучно тебе здесь одному, Игнат? – прямо спросил я. – Я часто как с утра ухожу, так только вечером возвращаюсь.

– Не в скуке дело, – смутился Игнат. – Если честно сказать, я тут у вас как на курорте живу. По дому дел почти никаких. Отдыхаю целыми днями. А вы мне еще жалованье платите.

– И что тебя смущает? – удивился я.

– Так, по совести-то, и платить не за что, Александр Васильевич. Может, мне какую службу себе найти? Тоже буду копейку в дом приносить.

– Думаешь, у нас денег не хватает? – рассмеялся я.

– Хватает, конечно, – окончательно смутился старик.

– Служба, Игнат, бывает разная, – улыбнулся я. – Мне спокойнее, когда я знаю, что ты в доме. Значит, здесь все в порядке. Ты за всем присмотришь и вовремя мне зов пошлешь. Ведь так?

– Так, конечно, – кивнул Игнат.

– Я знаю это, и могу не беспокоиться. Так что ты мне очень нужен. Спасибо за вкусный обед.

Повеселевший Игнат принялся убирать со стола.

– А в свободное время ты чем любишь заниматься? – заинтересовался я.

– Так у меня этого свободного времени и не было с тех пор, как я из деревни уехал, – удивился Игнат. – В лицее-то, сами знаете, какая служба. Встань затемно, господ лицеистов разбуди, завтрак подай. Потом комнаты прибери, потом обед – и так до вечера.

– Так это ты с непривычки переживаешь? – рассмеялся я. – Или, все же, скучновато?

– Скучать я не привык, Александр Васильевич, – признался Игнат. – Вот грядки разбил. Скоро клубничное варенье на зиму варить буду. Его, конечно, и купить можно. А свое-то всяко вкуснее.

– Конечно, вкуснее, – улыбнулся я. – Клубничное варенье, да если с блинами... Хорошо.

– А вечерами иногда сижу на крыльце и на звезды смотрю. Я это еще в детстве любил. Бывало, на ночь сбегу на речку, удочки закину. А сам лягу в траву и гляжу в небо. Знае-

те, какие звезды в деревне? Огромные, как яблоки! И висят низко, над самой землей. А в камышах лягушки квакают.

— Красота, — согласился я.

И почувствовал внезапное острое желание вот так же любоваться ночным небом. Тем более, что на Каменном острове этому не мешал свет от центральных кварталов столицы.

— А хотите я на завтрак блинов испеку? — предложил Игнат. — Мне господин Иевлин такой рецепт подсказал! Его блинами сам император завтракать любил. А я на бумажку записал, чтобы не забыть. Там кислое молоко нужно, пяток яиц, пшеничной муки и сахару, да еще соды на кончике ножа...

— Очень хочу, — улыбнулся я. — Слушай, Игнат! А не построить ли нам в саду обсерваторию?

— Это где музыку играют? — уточнил старик. — Так музыкантов и на площади можно послушать. Зачем же их сюда тащить? Шумно будет.

— В обсерватории наблюдают за звездами, — улыбнулся я. — Сделаем раздвижной купол, поставим телескоп. И будем любоваться звездным небом. Что скажешь?

Старик только покачал головой. Но я чувствовал, что мое предложение его заинтересовало.

Переходя Неву по Шепчущему мосту, я по привычке оста-

новился у перил, закрыл глаза и прислушался к завораживающему бормотанию водяных струй. Перед глазами неожиданно возник каменистый пляж и легкая рябь на воде от берегового ветра. А вдалеке, у самого горизонта – крошечный кораблик с гордо поднятыми парусами.

Над головой пронзительно вскрикнула чайка. Я с улыбкой открыл глаза – очень уж реалистично получилось.

Переулок неспроста называли Песочным. Темная мостовая, вымощенная неровными гранитными булыжниками, неторопливо текла между тротуарами. Их выложили из квадратных плиток цвета мокрого песка. Дома вдоль переулка покрыли шершавой штукатуркой и тоже выкрасили в песчаный цвет – только более светлый. Как будто вдалеке от проезжей части песок высох на солнце.

Свисающие ветки плакучих ив шевелились на ветру и были похожи на морские водоросли.

Круглая башенка на крыше нужного дома снова напомнила мне про обсерваторию, и я улыбнулся. А почему бы и нет?

Эта идея нравилась мне все больше и больше. Нужно будет только обсудить ее с домом.

Я поднялся на второй этаж и обнаружил, что там лишь одна дверь. Тем лучше – не придется гадать. К двери была прикручена медная пластина, а рядом с ней на бронзовой цепочке висел небольшой молоточек.

Я постучал и услышал тихие шаги.

– Савелий, это ты? – спросил женский голос. – Что случилось?

Сразу же скрипнул засов, и дверь открылась.

– Ой! – испуганно сказала женщина, увидев меня. – Вы к кому?

Ей было около сорока лет, может быть, чуть больше. Несмотря на теплую погоду, она куталась в тонкую шерстяную кофту, надетую поверх домашнего платья.

– Здравствуйте, – улыбнулся я. – Граф Александр Васильевич Воронцов. Я бы хотел видеть Савелия Куликова.

– Вы господин Тайновидец? – удивилась женщина. – Значит, Савелий, все-таки решился обратиться к вам? Проходите, прошу!

Она глухо кашлянула и отступила на шаг, приглашая меня.

– Вам нездоровится? – спросил я.

– Обычная простуда, – неловко улыбнулась женщина. – Пришлось сегодня остаться дома. Простите, ваше сиятельство, но Савелий сейчас на службе. Я его мама, Антонина Ивановна Куликова.

– Очень приятно, Антонина Ивановна, – вежливо кивнул я.

– Знаете, это я настояла, чтобы Савелий рассказал вам о своих снах. Они очень тревожат меня. У нас немного денег, но мы сможем вам заплатить. Я кое-что откладываю...

Она снова кашлянула.

Что ж, главное я выяснил – Савелий Куликов не был призраком. Получается, он действительно забрел в кофейню Набиля во сне. Удивительно, но с фактами не поспоришь.

– Значит, сын рассказал вам о нашей встрече? – спросил я.

– Да, – кивнула женщина. – Утром он был очень удивлен. Рассказал, что видел вас во сне и даже говорил с вами. Я твердила ему, что это знак. Что он должен обратиться к вам за помощью. А он сказал, что это всего лишь сон, обнял меня и ушел на службу. Но вот вы здесь! И говорите, что виделись с ним. Значит, это не просто сон? Я заплачу вам, сколько скажете, ваше сиятельство! Только разберитесь, пожалуйста – что происходит с моим сыном.

Пока она говорила, я незаметно огляделся.

Бедность и чистота. Вот два слова, которыми можно было описать квартиру Куликовых.

На крашеном дощатом полу длинного коридора лежала длинная домотканая дорожка. Она была до того старой, что цветные нитки вытерлись до основы. В конце коридора виднелась кухня. Я увидел краешек кухонного стола – на клеенке с цветами стояла чисто вымытая посуда.

Ну, и что они смогут мне заплатить? Им самим едва хватает на жизнь.

– Дело не в деньгах, – откровенно сказал я. – Когда я сталкиваюсь с незнакомой магией, мне самому хочется разобраться. А встреча с вашим сыном меня очень удивила, не скрою. Я, знаете ли, очень любопытен. Поэтому если вы от-

кровенно ответите на мои вопросы, это будет достаточной платой. Где мы с вами можем поговорить?

– В кабинете Савелия. Раньше это был кабинет моего мужа, но теперь...

Она проводила меня в большую светлую комнату. На секунду мне показалось, что я попал в капитанскую каюту.

У стены стоял письменный стол, на котором лежали свернутые чертежи. Над столом висела огромная и подробная карта залива, на которой были нанесены все форты, отмели и пунктирная линия фарватера. Два широких окна выходили в Песочный переулок, между ними стоял узкий шкаф, заполненный книгами. Я с любопытством взглянул на толстые корешки.

“Искусство магического мореходства”, “Навигация по магическому полю”, “Судовая магия воды и ветра”.

У противоположной стены стоял обтянутый порыжевшей кожей деревянный диван и пузатый комод, служивший подставкой для большого глобуса. Рядом с глобусом лежал загадочный прибор, больше похожий на магический артефакт. Прибор поблескивал начищенной медью.

– Что это? – с интересом спросил я.

– Астролябия, – ответила Антонина Ивановна. – С ее помощью ориентируются по звездам в открытом море.

– Ваш муж был моряком?

– Капитаном, – с гордостью ответила женщина. – Его судно называлось “Надежда”.

Она снова закашлялась и опустилась на диван, смущенно взглянув на меня.

Насколько я мог судить, за предметы из этой комнаты можно было выручить немало денег у понимающего антиквара. Тех самых денег, которых отчаянно не хватало семье Куликовых.

И все же, они берегли их как память.

– Расскажите мне о вашем муже, – предложил я.

– Почему вы спрашиваете о нем? – удивилась Антонина Ивановна.

– Ваш сын видел во сне место, в котором бывал в детстве с отцом. Я думаю, это не случайно.

– Савелий очень любил отца, – кивнула Антонина Ивановна. – Когда Георгий погиб, он... нам тогда трудно пришлось. Но мы справились.

– “Надежда” была торговым судном?

– Да. Корабль принадлежал купцам Тороватовым. Старший брат и сейчас держит магазин в Гостином дворе.

– А младший?

– Он отправился в плаванье вместе с Георгием. И тоже погиб.

– Куда они плыли? – спросил я.

– Это был не торговый рейс, – помолчав, ответила Антонина Ивановна. – Я не могу сказать даже вам, господин Тайновидец. Когда стало окончательно ясно, что корабль не вернется, господин Тороватов нашел нас с Савелием. Он дал нам

денег, помог заплатить за квартиру. А взамен просил никому не рассказывать, куда отправилась “Надежда”. Простите, ваше сиятельство.

– Что ж, – усмехнулся я. – Возможно, это и не имеет отношения к делу.

В любом случае, у меня всегда остается возможность поговорить с самим Тароватовым.

Куликова снова закашлялась. Ее кашель мне не понравился – он был сухим и резким, совсем не похожим на симптом простуды.

– Я принесу вам воды, – сказал я.

Выйдя на кухню, я послал зов Ивану Горчакову. Не так давно я помог ему вернуть почти полностью утраченный магический дар. Теперь Иван работал в нашем госпитале. Мы с ним здорово сдружились в последнее время и незаметно перешли на “ты”.

– Ваня, я хочу, чтобы ты осмотрел одну больную. У нее сильный и сухой кашель, и мне это не нравится.

– Конечно, – сразу же согласился Горчаков. – Когда она сможет приехать?

– Сама она вряд ли поедет в госпиталь, – сказал я. – Судя по всему, у нее денежные затруднения, и она постесняется обременять целителей. Ты можешь приехать к ней домой? Она живет в Песочном переулке. Я сейчас у нее.

– Выезжаю, – коротко ответил Горчаков.

– Если понадобится, отвези ее в госпиталь, – сказал я. –

Уверен, ты сумеешь ее убедить.

Иван Горчаков был не только талантливым целителем, но и сильным менталистом. Этот дар здорово помогал ему в работе с пациентами.

Я налил в чашку воды из графина, который стоял на столе, и вернулся в комнату.

– Антонина Ивановна, я вызвал сюда целителя и попросил его осмотреть вас, – сказал я. – Прошу, не спорьте.

– Но это слишком дорого, – запротестовала женщина.

– Мой дед построил госпиталь, чтобы помогать всем больным, – просто сказал я. – А не только тем, кто может оплатить лечение. Подумайте о вашем сыне. Если вам станет хуже, все равно придется обратиться за помощью. Не стоит упускать время.

– Хорошо, – кивнула Антонина Ивановна.

Ее пальцы беспокойно теребили кофту.

– Вы ведь все равно спросите у Тароватова, – неожиданно сказала она. – “Надежда” отправилась на север. Куда-то к северным островам. Они искали место силы.

– Место магической силы? – удивился я.

– Да, – кивнула Куликова. – Муж рассказал мне об этом. От меня у него не было тайн. Тароватовы где-то достали очень старую карту, на нее были нанесены неизвестные острова у арктического побережья. А на них место магической силы.

– Вы представляете, что могло значить такое открытие? –

спросил я.

– В общих чертах, – ответила женщина. – Наверное, на этом можно было заработать немало денег. Но они просто пропали и не вернулись. Господин Тароватов хотел организовать поиски, но погода не позволила.

По ее щеке покатилась слеза.

– Все будет хорошо, Антонина Ивановна, – сказал я. – У меня к вам еще две просьбы. Скажите Савелию, что я хочу с ним поговорить. И дайте мне адрес мастерицы снов, к которой ездил ваш сын.

– Она живет в Шувалово, – кивнула Антонина Ивановна. – Я запишу.

Глава 4

Шувалово оказалось настоящей дачной деревней.

– Глухомань какая, – с сомнением сказал извозчик, оставив мобиль возле небольшого домика. – Того и гляди, леший на дорогу выскочит. Здесь, ваша милость?

Домик, о котором говорила Антонина Ивановна Куликова, целиком утонул в густой зелени яблонь. Торчала только красная черепичная крыша с круглым окошком под самым свесом.

– Здесь, – кивнул я и протянул извозчику серебряную монету.

Извозчик расплылся в довольной улыбке.

– Спасибо за щедрость, ваше сиятельство! Вы мне зов пришлите, как уезжать надумаете. Мигом приеду за вами. Другого-то извозчика вы здесь не дождетесь.

– Благодарю! – улыбнулся я.

Потом вышел из мобиля и с наслаждением вдохнул запах сухого сена и соснового леса. Вдалеке печально мычала корова. С ближайшего озера доносился восторженный визг купающейся ребятни.

Хорошо-то как!

Тихое местечко со своей магией беззаботного летнего отдыха.

Колокольчика возле калитки не оказалось. Я толкнул де-

ревянную створку и ступил на дорожку, выложенную мелкими белыми камушками. Тропинка огибала большой куст, на котором висели гроздья зеленых, еще не созревших ягод. Кажется, это была черноплодная рябина.

Идя по тропинке, я почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Кто-то пристально рассматривал меня, словно решая – опасен я, или нет.

Я быстро повернулся влево и увидел волка. Волк стоял на лужайке и, не мигая, смотрел на меня. Глаза его были желтыми. Серая шерсть на загривке чуть приподнялась – зверь был настороже. Толстый пушистый хвост висел поленом. Волк был ростом почти мне по пояс, он стоял, широко расставив мощные передние лапы.

Я замер, не отводя взгляд от волка. По спине побежали холодные мурашки, в горле мгновенно пересохло. Где-то я слышал, что дикому зверю нельзя смотреть в глаза. Но попробуй, отвернись в такой ситуации!

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Волк не двигался, только его бока чуть вздымались и опадали. Я тоже не шевелился, соображая – что делать. И сделал то, чего сам от себя не ожидал.

Я полностью повернулся к волку, медленно протянул руку ладонью вперед и сказал:

– Давай, познакомимся.

Волк застыл, прислушиваясь к моему голосу.

– Я Тайновидец, – стараясь оставаться спокойным, сказал

я. – Приехал, чтобы поговорить с твоей хозяйкой. А ты кто?

Волк осторожно двинулся ко мне. Когда он шевельнулся, солнечный свет упал на его спину под другим углом, и мне показалось, что на мгновение волк посветлел. Он шел прямо ко мне, не пытаясь оглянуть меня стороной, чтобы скрыться из виду. Я заметил, что зверь слегка прихрамывал.

Подойдя совсем близко, он внимательно обнюхал мои колени. Мои ноздри щекотал запах дикого зверя.

Потом волк ткнулся носом мне в ладонь. Я осторожно погладил его по голове. Волчья шерсть была густой и мягкой. Я заметил, что кончики шерстинок окрашены сединой – зверь немало пожил на свете.

На мое счастье, за кустами хлопнула дверь, и женский голос произнес:

– Волчок, иди сюда! Не пугай нашего гостя.

Волк бесшумно отпрянул от меня. Одно неуловимое движение – и он исчез, а я остался стоять на дорожке.

– Ваше сиятельство, идите сюда! – снова позвал тот же голос.

Я постоял еще пару секунд, чувствуя легкую слабость в коленях. Потом обогнул раскидистый куст и оказался возле дома.

На крыльце стояла старушка в цветном платье и накинутом на голову белом платке. Из-под платка выбивались седые волосы, в морщинах лица пряталась улыбка. Волк сидел возле ее ног.

– Добрый вечер, господин Тайновидец, – улыбнулась старушка. – Очень рада, что вы заглянули.

– Вы знаете, кто я? – спросил я.

Голос чуть хрипел из-за пересохшего горла.

– Антонина Ивановна прислала мне зов, предупредила, что вы приедете.

– Вы – Вера Павловна Милосердова, мастерица снов? – уточнил я.

– Так и есть, – кивнула старушка. – Волчок не очень вас напугал?

Ее взгляд был живым и внимательным.

– Было неуютно, – откровенно признался я. – Зачем вам волк?

– Я нашла его в лесу, совсем маленьким, – ответила Вера Павловна. – У него была перебита лапа. Я его вылечила, вот он и прижился. Живу я одна, а с ним спокойнее.

Мастерица снов ласково опустила сухую ладонь на лобастую волчью голову.

– Проходите, ваше сиятельство. Я напою вас чаем.

Волк еще раз взглянул на меня. Потом бросил взгляд на хозяйку и скрылся за домом.

Потом мы пили чай в беседке, увитой побегами дикого плюща. Солнце просвечивало сквозь широкие листья и казалось огромным зеленым яблоком.

Крепкий чай слегка горчил и пах смородиновым листом.

В темном углу под самой крышей на поперечной балке сидела серая сова, похожая на комок пушистых перьев. Кривыми когтями она крепко впилась в некрашеное дерево. Иногда сова поворачивала круглую голову, глядя на меня огромными глазами.

– Птицу вы тоже подобрали в лесу? – спросил я.

– Нет, – улыбнулась мастерица снов. – Варежка прилетела сама. Охотится за мышами в моем саду.

– Варежка, – улыбнулся я.

Пушистая сова и в самом деле была похожа на огромную варежку, связанную из теплой шерсти.

Вера Павловна поставила на стол вазочку с желтым яблочным вареньем и большое блюдо с круглыми пряниками, залитыми гладкой, молочно-белой сахарной глазурью.

– Угощайтесь, господин Тайновидец, – предложила она.

Я взял пряник. Он был похож на маленькую луну. Я разломил его и принялся – рассыпчатое тесто пахло корицей.

– Благодарю, – кивнул я. – Я приехал, чтобы расспросить вас о магии снов. Никогда о ней не слышал.

– Это очень простая магия, – улыбнулась Вера Павловна. – Она не стоит того, чтобы много о ней говорить. Случается, человека одолевают беспокойные мысли. Ему не спится по ночам. Тогда он приезжает ко мне, и я помогаю ему заснуть, вот и все.

– С помощью магических печатей? – уточнил я.

Мастерица снов зачерпнула варенье маленькой ложечкой.

Тягучая сладкая нить потянулась обратно в вазочку. Она просвечивала на солнце.

– Я использую не только печати. Применяю успокаивающие отвары, особые запахи. Но ничего интересного в этом нет. Обычное знахарство.

– Не скажите, – нахмурился я.

– Это очень простая магия, – повторила мастерица снов.

– Я всего лишь немного помогаю людям.

– Я не думаю, что все так просто, Вера Павловна, – вежливо, но твердо ответил я. – Знаете, как я познакомился с Савелием Куликовым?

Старушка внимательно взглянула на меня.

– По утрам я частенько заглядываю в удивительную кофейню. Эта кофейня находится неподалеку от моего дома. Вокруг парк, в котором часто гуляют горожане. Но об этой кофейне почти никто не знает. Догадываетесь, почему?

– Почему же? – спросила мастерица снов.

– Кофейня прячется в другом магическом пространстве, – объяснил я. – Ее хозяин – магическое существо, древний джинн. Вот почему обычный человек никак не может попасть в эту кофейню. Случается, горожане подходят совсем близко. Но они ничего не замечают – им виден только пустынный берег острова, Нева, и здания на другом берегу.

Я сделал глоток чая.

– А Савелий увидел кофейню. Я сказал вам, что кофейня находится на плоту?

– Нет, – улыбнулась Вера Павловна. – Кофейня на плоту – это удивительно. Хотела бы я в нее заглянуть.

– Савелий так и сделал, – кивнул я. – Он поднялся на плот, выпил чашку призрачного кофе. Познакомился со мной и рассказал мне о своих снах. А потом исчез. Просто растаял в воздухе. Все это время он спокойно спал у себя в постели и видел сон.

Я поставил чашку на стол.

– Но я-то в это время не спал. Получается, во сне Савелий каким-то образом забрел в магическое пространство и умудрился познакомиться со мной. Вы уверены, что ваша магия не имеет к этому отношения?

Мастерица снов задумчиво покрутила чайную ложечку в сухих пальцах. Сова над нашими головами беспокойно расправила крылья и открыла крючковатый клюв. Потом снова замерла неподвижно.

– Я понимала, что однажды произойдет что-то подобное, – сказала Вера Павловна. – Но моя магия тут ни при чем. Судя по тому, что вы рассказали, в Савелии проснулся очень редкий магический дар. Он – сноходец.

– Сноходец? – удивился я. – Что это за способность?

– Ладно, – решительно кивнула мастерица снов. – Я расскажу вам об этом. Вы правы, магия снов не так проста, как я вам рассказывала. Вы знаете, что все сны имеют магическую природу? Сон – это изнанка обычной жизни, ее магическая сторона.

Я удивленно покачал головой.

– Никогда не задумывался об этом.

– Каждый человек одновременно существует в двух мирах. В реальном мире и в мире снов. В реальности нас ограничивают физические законы и законы общества, наши возможности, страхи и сомнения. А во сне мы свободны. Во сне мы соединяемся со своей настоящей природой, берем оттуда силы, чтобы жить дальше. Скажите вы помните свои сны, господин Тайновидец?

– Иногда, – улыбнулся я.

– Они всегда яркие, правда? В них происходят невообразимые вещи. Но вы чувствуете, что все эти события подчиняются непостижимой внутренней логике.

– Пожалуй, – согласился я. – Да, я помню это.

– Случалось вам целый день думать над какой-нибудь неразрешимой задачей? Потом вы ложились спать и видели сон. А поутру ответ сам всплывал в вашем сознании. Вы твердо знали, что нужно делать, и удивлялись – как же не смогли додуматься раньше.

– Да, такое частенько бывает, – рассмеялся я.

– Это вы сами находите ответ, – твердо сказала Вера Павловна. – Когда ненадолго соединяетесь с тем собой, из сна.

– Расскажите мне о сноходцах, – попросил я, беря еще один пряник.

– Сноходцам не нужны мастера снов, – Ответила Вера Павловна. – Для них сны так же реальны, как и жизнь. По-

этому во сне они становятся очень могущественными. Могут проникать в магические пространства, знакомятся со странными существами, творят чудеса. Реальная жизнь для них только тихая гавань, место отдыха. Настоящей жизнью они живут во сне.

– Савелий Куликов из таких людей? – удивился я, вспомнив скромного помощника архитектора.

– Я не знала об этом, когда он пришел ко мне. Видела просто отчаявшегося, измученного человека, который уже неделю не спал. Я могла ему помочь, и сделала это.

Я покачал головой.

– Что-то здесь не сходится. Вы говорите, что сноходцы очень могущественны. А Савелий даже не мог уснуть без вашей помощи.

– Ничего странного, господин Тайновидец, – серьезно ответила мастерица снов. – Такое часто случается. Человек не верит в свой магический дар, считает себя обыкновенным. Вот дар и прячется, как щенок, который не нужен хозяину. Но иногда напоминает о себе – ведь ему тоже хочется быть нужным.

– Значит, вы открываете магическую природу человека? – спросил я.

– Нет, что вы, – Вера Павловна с улыбкой покачала головой. – я всего лишь помогаю человеку подружиться со своими снами.

Ветер тихо возился в густых кронах старых яблонь. Яр-

ко-синяя стрекоза, сухо шелестя прозрачными крыльями села на стол. Приподняла тонкое тельце, настороженно уставилась на меня огромными блестящими глазами.

Сова на балке повернула голову и переступила с лапы на лапу. Стрекоза испугалась и немедленно улетела.

– Савелий рассказал мне, что чувствует какую-то опасность в своих снах, – заметил я.

Мастерица снов озабоченно нахмурилась.

– Сноходцы – особенные маги. Их сны материальны. В этом нет опасности, если только...

– Что? – спросил я, когда Вера Павловна замолчала.

– Если только сноходец знает о своем даре и осознает, что видит сон. Тогда он управляет сном. Но если сноходец не верит в свой дар, тогда сон управляет им. И может завести его, куда угодно.

– Получается, Савелию и в самом деле грозит опасность? Вы можете как-то ему помочь?

Мастерица снов покачала головой.

– Мы не вмешиваемся в чужие сны. Это запрещено.

– Кем? – насторожился я.

Вера Павловна помолчала, задумчиво помешивая ложкой остывший чай. Потом покачала головой.

– Нет, господин Тайновидец. Я и так рассказала вам слишком много. Сны не любят, когда о них говорят. А Савелию просто нужно время, чтобы принять свой дар. Рано или поздно он поверит, и тогда все будет хорошо.

– Вы могли бы рассказать ему, – заметил я.

– Рассказать мало. Нужно, чтобы он поверил. Впрочем, вы сами можете попытаться.

– Так и сделаю, – кивнул я.

И почувствовал, что разговор закончен.

– Еще один вопрос, Вера Павловна. Я видел на руке Куликова магическую печать. Волк, который воет на луну. Савелий сказал, что печать нарисовали вы. Что она означает?

– Ничего, – слишком быстро ответила хранительница снов. – Важен не рисунок, а магическое плетение. Не сердитесь на меня, господин Тайновидец. Каждый маг хранит свои секреты. У вас они тоже есть.

– Вы правы, – не стал спорить я. – Что ж, спасибо за разговор и за чай. Мне и в самом деле пора.

Я машинально взглянул на солнце, которое пряталось за широкими листьями плюща, и только сейчас заметил кое-что странное.

По моим ощущениям, мы разговаривали с мастерицей снов никак не меньше часа. А солнце за это время совсем не сдвинулось с места. Как светило мне в левый глаз, так и продолжало светить.

Тут я прислушался и понял, что звонкие голоса на озере давно стихли. И ветер больше не шумел в листве яблонь. Над поселком повисла тишина.

Что-то было не так. Но понять, что произошло, я не успел. Растерянно моргнул и увидел, как солнечный летний день

стремительно померк. Густая тень навалилась на беседку. Укрыла стол, на котором стоял давно остывший чайник, прохладной ладонью провела по моему лицу.

А затем в промежутки между деревянными рейками просочился лунный свет. Он косыми ромбами упал на дощатый пол.

Сова на балке пошевелилась и распахнула желтые глаза. Гулко ухнула, расправила крылья и бесшумно унеслась в ночную темноту.

Я перевел взгляд на мастерицу снов и удивленно раскрыл рот. Вместо милой старушки в платке передо мной сидела молодая женщина. Светло-голубое платье легкими складками падало до самого пола. Светлые волосы спускались по плечам. У ног женщины сидел волк. В лунном свете его шерсть отливала морозными искрами.

Женщина погладила волка и улыбнулась мне:

– Здравствуйте, господин Тайновидец. Вы, все-таки, заметили, да?

– Скорее, догадался, что день давно должен был закончиться, – ответил я. – Кто вы?

– Хранительница Снов, – ответила женщина. – Мой мир состоит из человеческих снов. Я живу в нем и охраняю его, как могу.

Она снова погладила волка.

Волк поднял голову и оскалил зубы.

Глава 5

– Вы живете в мире чужих снов? – удивился я. – Интересно, как это?

– Хотите посмотреть, господин Тайновидец? – улыбнулась Хранительница. – Прошу!

Волк легко вскочил и побежал к выходу из беседки. Стоя на пороге, он оглянулся на нас, словно приглашал следовать за ним.

Я не колебался ни секунды. Когда еще представится возможность увидеть чужие сны?

За тонкими стенами беседки чернела ночь. Но стоило мне шагнуть в темноту, как она растаяла, сменилась жарким полднем.

Мы с Хранительницей Снов стояли посреди безжизненной пустыни. Дул обжигающий ветер, с бледного неба нещадно палило солнце. От жары земля покрылась толстой растрескавшейся коркой. Густой горячий воздух безжалостно сушил легкие – так что дышать было трудно.

Ни деревца, ни кустика. Только сухой комок пережатым поля катился по пустыне, бессмысленно пытаюсь зацепиться корнями за высохшую почву.

Слева от нас возвышался отвесный утес. Серый гранитный клык пропорол сухую землю и остался торчать посреди пустыни.

По утесу карабкался человек. Он лез без веревки, цепляясь кончиками пальцев за едва заметные выступы скалы. Камень сорвался из-под его ноги и с глухим стуком полетел вниз. Человек повис на руках, болтая ногами в воздухе и пытаясь хоть на что-то опереться.

У меня перехватило дыхание.

Но вот человек нашарил опору – сперва левой ногой, потом правой. Несколько секунд он отдыхал, прижавшись всем телом к раскаленному камню. Потом медленно полез дальше.

– Куда он карабкается? – спросил я Хранительницу Снов. – Зачем?

– В реальности ему только-только исполнилось шестнадцать, – ответила Хранительница. – Его отец умер, и теперь на плечах юноши мать и трое младших сестер и братьев. Ему приходится работать и учиться. А когда он без сил падает в кровать и засыпает, то часто видит этот сон. Ему снится, что он должен долезть до вершины, и тогда все будет хорошо.

– Он долезет? – спросил я.

Будто в ответ на мой вопрос, маленькая фигурка на скале побледнела. Она стала прозрачной, словно горячий воздух растворял ее. А потом исчезла.

– Он снова проснулся, – сказала Хранительница Снов. – Еще ни разу ему не удалось добраться до вершины за один сон. Он всегда просыпается раньше и идет на работу.

Мы обогнули пустую скалу, и вдруг наступил вечер. Воздух стал влажным, потянуло прохладой, запахло солью и свежестью. Я вздохнул с облегчением и вытер со лба крупные капли пота.

Мы стояли на высоком морском берегу. Далеко внизу, под обрывом еле слышно шумело море. Только по этому шуму можно было догадаться о мощи волн – отсюда они казались едва заметными пенными морщинками на бескрайней глади. Красное солнце опускалось за горизонт, тянулось к берегу вспыхивающей огненной дорожкой.

К обрыву прилепилась каменная терраса, выложенная светлой плиткой. На террасе я увидел стол и два легких плетеных кресла. На столе стояла полупустая бутылка красного вина и два бокала.

– Здесь уютно, – улыбнулся я.

И поймал себя на мысли, что хотелось бы и мне вот так сидеть над обрывом, потягивать маленькими глотками вкусное вино, слушать, как внизу шумит море и неторопливо разговаривать с близким человеком. Или просто молчать – иногда совместное молчание говорит куда больше, чем слова.

– Мне нравится бывать здесь, – улыбнулась Хранительница Снов. – Это сон одного усталого человека. Он многого достиг в жизни. Стал могущественным магом, живет в достатке. У него большая семья. Старшие дети уже выросли, а младшие еще подрастают. В его доме всегда шумно и весело. Она повернула голову и взглянула на волка, который легко

бежал вдоль обрыва, наслаждаясь свободой.

– Только одно не дает этому человеку покоя. В молодости он поссорился со своим лучшим другом. Никто не был виноват – спор вспыхнул из-за пустяка, но перерос в смертельную обиду. Вскоре человек уехал из родного городка. С тех пор они с другом не виделись и даже не разговаривали.

– Так трудно было послать зов? – удивился я.

– Иногда это трудно, Тайновидец, – улыбнулась Хранительница Слов. – Особенно, когда каждый считает себя правым.

– Здесь человек встречается со своим другом? – догадался я.

– Да, – кивнула Хранительница. – Они пьют вино, разговаривают обо всем, что с ними случилось с момента последней встречи. Иногда подолгу молчат, глядя, как солнце опускается в море. Случается, даже спорят. Но никогда не вспоминают ту глупую ссору.

Мы неторопливо пошли вдоль берега. Узкая тропинка постепенно увела нас от моря в ровную степь, поросшую жесткой травой. Темнело, вокруг оглушительно стрекотали цикады. Бесшумная тень промелькнула в воздухе – то ли ночная птица, то ли летучие мыши вылетели на ночную охоту.

Я вспомнил сову, которую звали Варешкой – не она ли высматривала мышей в траве?

Тропинка привела нас к убогому покосившемуся сараю.

Он был небрежно сколочен из кривых досок и нелепо торчал посреди голой степи. Доски рассохлись, между ними темнели щели.

– Что это? – улыбнулся я. – Жилище местного отшельника?

– Можно и так сказать, – кивнула Хранительница Снов. – Это убежище. Там прячется человек и не может выйти.

Будто в ответ на ее слова, изнутри сарая раздался стук. Кто-то стучал кулаками в запертую дверь. Потом дверь дрогнула – видно, человек с разбегу ударил в нее плечом. Но крепкие сухие доски выдержали.

– Чертова дверь! Я все равно тебя сломаю!

Голос звучал приглушенно и показался мне знакомым.

Мы подошли ближе. Наверное, человек заметил нас сквозь щели.

– Эй, кто здесь? – злобно окликнул он нас. – Убирайтесь отсюда!

Точно, я слышал этот голос! Только никак не мог вспомнить, кто это. Стены сарая искажали звук.

Я хотел подойти к сараю, но Хранительница Снов удержала меня за руку.

– Нет, господин Тайновидец, – сказала она. – Нельзя вмешиваться в чужой сон.

– Но его надо выпустить, пока он не разбил себе голову, – возразил я.

Уголки красивых губ дрогнули в понимающей улыбке.

– У вас есть ключ от замка?

– Нет. Но можно выломать дверь.

– Вы здесь только гость, – покачала головой Хранительница. – А ключ от замка лежит у него в кармане.

– Тогда зачем он стучит в дверь? – удивился я.

Хранительница Снов легко пожала красивыми плечами.

– Это его сон. Он здесь хозяин. Скоро он проснется, и сарай снова опустеет. Этот человек редко видит сны, он не придает им большого значения. Куда больше его заботит многочисленная родня. Всех своих близких он в глубине души считает бездельниками и дармоедами. Вот и отгораживается от них.

Небо над степью стремительно посветлело. Солнце, едва успев нырнуть в море, уже бодро поднималось с другой стороны.

Человек в сарае не переставал проклинать нас и грозить страшными карами. Внезапно он замолчал.

– Я все же посмотрю, – решил я.

Прежде, чем хранительница успела меня остановить, я подошел к сараю и через широкую щель заглянул внутрь. Ноздри защекотал запах пыли. Сарай был пуст, в полумраке смутно угадывался какой-то старый хлам, разбросанный по углам.

Выпускать было некого, человек успел проснуться и благополучно исчез в свою странную реальность.

– И охота сидеть взаперти, когда вокруг такая красота? –

недоуменно спросил я.

А потом усмехнулся:

– Мы и в жизни не всегда ведем себя последовательно, да?

Что уж говорить про сны.

– Все так, господин Тайновидец, – рассмеялась Хранительница.

Ее смех рассыпался звонкими ледяными колокольчиками. Что-то мокрое и холодное обожгло мою щеку. Я поднял голову и увидел, что с неба, медленно кружась, падают пушистые снежные хлопья.

Небо при этом было удивительно чистым – буквально ни облачка. Хлопья словно рождались прямо в синеве и падали на землю. Жесткая трава на глазах покрывалась сединой.

– Тоже чей-то сон? – с любопытством спросил я.

– Да, – улыбнулась Хранительница. – Этот сон нравится мне больше всех остальных. Его видит один мальчишка. Вместе со своей семьей он живет в хижине на сваях. Спит на драной циновке, брошенной прямо на бамбуковый пол и слышит, как между сваями плещется мутная вода. Каждое утро они с отцом отвязывают узкую лодку и уходят ловить рыбу. Возвращаются к обеду и сразу везут улов на местный рынок. На жаре рыба быстро портится, поэтому они стараются распродать ее побыстрее. Остатки отдают за одну медную монету или меняют на плоску риса.

– Незавидная жизнь, – нахмурился я.

– Мальчик счастлив, – улыбнулась Хранительница. – У него есть друзья – такие же мальчишки. Он помогает отцу и временами чувствует себя совсем взрослым. Мечтает о собственной лодке. А еще хочет когда-нибудь увидеть снег.

– В его краях нет снега? – спросил я.

– Нет, – покачала головой Хранительница. – Только дожди, которые иногда льют по два месяца. Тогда вода сочится сквозь дырки в крыше и стекает по стенам, пугая затаившихся ящериц и радуя лягушек.

Снег падал, не переставая. Скоро он укрыл всю степь, мы неторопливо брели по щиколотку в снегу. Волк бежал перед нами, не касаясь лапами пушистого снега.

Я оглянулся и увидел, что за нами нет никаких следов. Только снег.

А когда снова повернулся, то увидел перед собой знакомую изгородь и калитку в ней.

– Спасибо за прогулку, господин Тайновидец, – улыбнулась Хранительница Снов. – Я надеялась поговорить с вами и рада, что вы пошли мне навстречу.

– Прогулка вышла замечательная, – честно ответил я. – Не ожидал, что гулять по чужим снам так интересно. А о чем вы хотели поговорить?

– О сноходце, с которым вы познакомились. Это очень редкий дар.

– Да, вы уже говорили, – кивнул я.

– Это говорила не я, а Вера Павловна, – рассмеялась Хра-

нительница Снов. — Она не обманула вас. Мастера снов и в самом деле помогают людям подружиться со своими снами, не больше. А я иногда помогаю мастерам. Но мастерица не ошиблась. Савелий Куликов — сноходец. И я прошу вас приглядеть за ним, пока его дар не проснулся в полной мере.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал я.

— Благодарю вас, господин Тайновидец, — улыбнулась Хранительница. — Надеюсь, мы еще увидимся. Возможно, вы даже пригласите меня прогуляться по вашим снам. Уверена, они удивительные.

— Я почти не помню их, — рассмеялся я.

— Зато они вас помнят. Я взяла на себя смелость вызвать вам мобиль, он ждет у калитки. До свидания, господин Тайновидец!

Налетевший порыв ветра закружил снежные хлопья и скрыл из виду фигуру Хранительницы. А когда ветер стих, я остался один. Нет, не один — в трех шагах от меня сидел припорошенный снегом волк. Высунув красный язык, он смотрел на меня.

— До встречи, — подмигнул я и толкнул калитку.

Мобиль стоял в трех шагах от меня, фыркая мотором. Стоило мне сесть на заднее сиденье, как извозчик бодро тронул машину.

— До рассвета загостились, ваша милость? — спросил он, поглядывая на меня в зеркальце. — А это на вас снег, что ли?

Откуда бы? Лето на дворе.

– Небольшое колдовство, – рассмеялся я, отряхивая пиджак.

Тонкая рубашка намокла и липла к телу.

– Здесь место колдовское, – согласился извозчик. – Я пока вас ждал, волка видел. Здоровенный! Вышел на дорогу, сел, и смотрит. Меня даже оторопь взяла. Моргнул – а его и нет! Дорога пустая, словно привиделось мне. А тут вы из калитки выходите. Вот и скажите – задремал я, или вправду волка видел? Откуда бы ему в столице взяться?

Извозчик разговаривал по привычке, совсем не ожидая ответа. Я почти не вслушивался в его болтовню – откинулся на сиденье и улыбался, разглядывая пролетающие за окном мобилия кварталы столицы.

– Слава богу, добрались до дома, ваше сиятельство! – обрадовался Игнат.

Слуга, услышав шум мобилия, вышел встречать меня к калитке.

– А я всю ночь глаз не сомкнул, вас дожидался. Так только, подремал маленько, от каждого шороха просыпался.

– Значит, вместе отоспимся, – улыбнулся я. – Так уж вышло, Игнат. Я сам не ожидал, что до утра задержусь.

В передней он помог мне снять пиджак.

– Вы где так промокли-то, Александр Васильевич? Вроде,

дождя не было.

– Гулял я, Игнат, по удивительным местам.

– Так отчего же не погулять, если гуляется, – готовно закивал слуга. – Кушать-то хотите? Я мигом организую.

– Хочу, – признался я. – Надо послать зов в трактир, пусть принесут еды побольше.

– Да зачем же трактирщика в такую рань беспокоить? – возразил Игнат. – У меня щи остались, сейчас разогрею. А хотите – яичницу поджарю, на сале?

– Хочу, – признался я. – И щи, и яичницу. Голоден, как волк.

– Сейчас все сделаю, – пообещал Игнат. – Пока переоденетесь, еда уж и готова будет.

Вслед за ним я поднялся наверх. Сбросил с себя мокрую одежду и долго стоял под тугими струями горячей воды.

Потом переоделся в домашнюю одежду и вышел в кухню.

На столе дымилась огромная тарелка щей. На сковороде шкворчала яичница, и запах от нее шел такой, что у меня заурчало в животе. Игнат, что-то напевая, резал крупными ломтями свежий ржаной хлеб.

– Вижу, настроение у тебя хорошее, – улыбнулся я.

– Настроение отменное, Александр Васильевич, – с улыбкой закивал Игнат. – Порадовали вы меня. А уж Игорь Владимирович-то как обрадуется!

Он поставил на стол графин с прозрачной жидкостью и стопку.

– Единственно, надо вам перед едой стопочку принять. Исключительно в лечебных целях – чтобы не простудиться! Да и спать крепче будете.

Он наполнил мою стопку. Крепкая настойка обожгла изнутри, мягким теплом плюхнулась в пустой желудок. Голова сразу закружилась.

– Вы закусывайте, ваше сиятельство, – засуетился Игнат, подавая мне ложку.

– Так чем я тебя порадовал? – поинтересовался я.

– А то вы не знаете? Вы ведь с девицей всю ночь гуляли.

– С чего ты взял, что с девицей? – рассмеялся я.

– А с кем еще? – удивился Игнат. – Друзей вы всегда домой зовете. Не в одиночку же гуляли. Точно, с девицей!

Старик убежденно кивнул. Потом сел напротив меня и подпер худым кулаком подбородок.

– А коли с девицами гуляете, так и до свадьбы, должно быть, недалеко. А там и детишки пойдут. Вот и кончится наше затворничество.

Я только изумленно покрутил головой. Вроде, никогда не замечал за Игнатом особых магических способностей, а тут – на тебе! Верно угадал.

– Я по магическим делам задержался, – улыбнулся я. – А у тебя фантазия разыгралась.

– Ну, значит, фантазия, – закивал Игнат. – И правильно, что не говорите. О таких делах болтать не надо. Вы кушайте, пока все не остыло.

Я махнул на него рукой и принялся за щи. Мигом опустошил тарелку, а потом взялся за яичницу.

От сытной и горячей еды меня разморило так, что глаза слипались сами собой. Я с трудом поднялся со стула и побрел в спальню.

Рухнул в кровать и перед тем, как заснуть, услышал, что Игнат убежденно бормочет себе под нос:

– А все же с девицей гулял. Вот радость-то!

Глава 6

Я не помню, что мне снилось в эту ночь. Но это было что-то очень хорошее, потому что я проснулся, улыбаясь до ушей.

Открыл глаза и втянул ноздрями умопомрачительный запах горячих блинчиков, который доносился с кухни. Он-то меня и разбудил.

Игнат не забыл свое обещание напечь к завтраку блинов. И что с того, что время перевалило далеко за полдень, а любопытное летнее солнце нахально заглядывало в окно со своей головокружительной высоты? Завтрак есть завтрак – даже если за стол садишься вечером.

А если будут блины – значит будет и варенье! Клубничное, тягучее, сладкое, которое так удобно накладывать ложкой на блин, а потом целиком отправлять получившееся лакомство в рот.

Я улыбнулся еще шире – хотя, казалось бы, шире некуда. Вскочил с постели, но тут из кухни вместе с головокружительным блинным запахом донеслись негромкие голоса.

У меня гости?

Я прислушался и узнал голос артефактора Владимира Кирилловича Гораздова. Он что-то рассказывал, а Игнат по своей привычке поддакивал, не отрываясь от стряпни.

Я ничуть не удивился неожиданному приезду Гораздова.

Наверняка прежде, чем приехать, он пытался послать мне зов. Вот только разбудить меня после ночных походов не смог бы и пушечный выстрел. Вот и пришлось ему ехать наудачу.

Я быстро принял душ, растерся до красноты жестким полотенцем. Люблю такие полотенца – они здорово помогают проснуться. Оделся, вышел в кухню и бодро воскликнул:

– Доброе утро, господа! Вернее, добрый день.

– Доброе утро, ваше сиятельство! – торжественно приветствовал меня Игнат.

Он стоял у плиты в своем привычном клетчатом фартуке и переворачивал широкой лопаткой очередной блин. Внутренняя горка свежееиспеченных блинов возвышалась рядом с ним на широком блюде.

– Игнат, ты снова творишь запрещенную магию с утра пораньше? – весело спросил я. – Гляди, если восхитительный запах твоих блинов донесется до Никиты Михайловича Зотова, то он мигом примчится тебя арестовывать. И нам придется сидеть в осаде и отбивать приступы полиции и Тайной службы. Хорошо, что в отличие от других осажденных крепостей голод нам не грозит.

– Не грозит, ваше сиятельство, – невозмутимо подтвердил Игнат. – Погреб полон, и холодильный шкаф тоже. Так что пусть приезжают, мы осаду выдержим. А внутрь их дом не пустит.

Он ловко снял со сковороды готовый блин и налил на нее

очередную порцию теста. Потом описал сковородой круг в воздухе, чтобы тесто равномерно растеклось по раскаленному дну.

– Ты настоящий волшебник, – одобрительно кивнул я. – Еще немного, и возьмешь очередной магический ранг.

Гораздов, увидев меня, вежливо поднялся со стула.

– Здравствуйте, Александр Васильевич, – сказал он, протягивая мне руку.

Рукопожатие мастера было крепким.

– Вы по делу, Владимир Кириллович? – спросил я Гораздова. – Позавтракаете с нами? Называть эту великолепную трапезу перекусом у меня не поворачивается язык.

– Да, я приехал по очень важному делу, – улыбнулся Гораздов. – Но от блинов не откажусь. Раньше моя дочь великолепно пекла блины. Но теперь я живу один, и привык питаться по-холостяцки. Какие уж там блины?

– Я могу вас научить, ваша милость, – тут же предложил Игнат. – Дело несложное. Берете муку, яйца и кефир в пропорциях. Все хорошенько размешиваете, чтобы жиденько было, и на сковородку.

– Потом накладываете на блины магическое плетение, и они превращаются в могущественные артефакты, – подхватил я. – Не удивляйтесь. У меня сегодня великолепное настроение с самого утра. Голова легкая, зато соображает с трудом. Ваше важное дело может обождать, пока я выпью чашечку кофе?

– Вполне, – рассмеялся Гораздов.

– Тогда я сварю кофе на всех, – решил я, берясь за джезвы.

– Александр Васильевич вчера с барышней гуляли, – заговорщицким шепотом сообщил Гораздову Игнат.

Я насмешливо покосился на него, но возражать не стал. Пусть старик остается при своем мнении – тем более, что не так уж он и ошибался.

Я всегда был сторонником того, что начинать день надо с чашечки очень крепкого кофе с небольшим количеством сливок. Сливки отлично смягчают кофейную горчинку. Правда, живя один, я частенько забывал купить сливки заранее. Но с тех пор, как в моем доме поселился Игнат, эта проблема исчезла. Просто открой холодильный шкаф, и вот они, свежайшие сливки – стоят на полке в запотевшем молочнике.

В каждую джезву я щедрой рукой всыпал по три ложки молотого кофе и залил холодной водой. Потом поставил джезвы на бледный огонь жаровни. Когда над узкими горлышками поднялась коричневая пенка, я снял джезвы. Пристукнул каждой по столу, чтобы осела гуща, и разлил кофе в небольшие чашки. Затем добавил холодные сливки – благодаря этому у кофе можно было пить сразу, не дожидаясь, пока он остынет.

– Вот, все и готово!

Я сделал глоток и блаженно зажмурился.

То, что нужно!

Гораздов тоже попробовал кофе и удивленно поморщился:

– Крепковат для меня. Но очень вкусный, даже непривычно.

Артефактор с каждым днем выглядел все лучше. В движениях появилась уверенность, он почти перестал сутулиться. По привычке носил в кармане футляр с очками, но пользовался ими только во время работы – он сам рассказал мне об этом. Зрение ему в нашем госпитале поправили полностью, а коммерческое партнерство с моим дедом совершенно решило все денежные проблемы. Игорь Владимирович занимался финансовой стороной, а Гораздов мог спокойно заниматься любимым делом – придумывать и воплощать в жизнь магические артефакты.

– Так что у вас за дело? – спросил я, отставляя чашку.

Откладывать разговор до окончания завтрака показалось мне не очень вежливым. Да и любопытство не давало покоя.

– Помните, я обещал сделать для вас артефакт усиления магического дара? – спросил Гораздов. – Вчера ювелир прислал мне зов и сообщил, что он готов. Я сразу же его забрал и всю ночь просидел над магическим плетением. К утру почти закончил работу и не утерпел – сразу послал вам зов, но вы не ответили.

– Я крепко спал, – рассмеялся я.

– Поэтому я решил положиться на удачу и сам поехал к вам, – кивнул Гораздов. – Я привез артефакт с собой.

Он с торжественным видом достал из кармана небольшой сверток из плотной бумаги. Развернул его – внутри оказался темно-синий бархатный футляр с серебристым рисунком в виде ворона на крышке. Гораздов протянул футляр мне.

– Красота! – восхитился я.

Крышка футляра открылась с тихим щелчком. Внутри, на шелковой подкладке лежал массивный перстень из состаренного серебра. В него был вставлен большой черный алмаз.

Я узнал подарок Набиля. Этот черный алмаз владелец кофейни подобрал на склоне потухшего вулкана, где-то на берегу Адриатики. Черные алмазы всегда рождаются в вулканических недрах, оттого они и редкие.

Камень крепко держали четыре широких серебряных листа. Я даже заметил на них прожилки.

– Изумительная работа!

– Я обратился к лучшему ювелиру в Гостином дворе, – с гордостью сказал Гораздов. – Взгляните на огранку алмаза.

Грани были выполнены в виде широких трапеций. Это придавало камню основательность, делало его настоящей драгоценностью.

– Само кольцо сделано в виде растения, которое называется “вороний глаз”, – добавил Гораздов.

– Намек на нашу фамилию? – улыбнулся я.

– Это показалось мне удачной идеей, – признался Гораздов. – Кроме того, у “вороньего глаза” черные ягоды. Точь-в-точь, как этот камень.

Я примерил перстень – он идеально подошел на средний палец правой руки. Солнце сверкнуло в гранях алмаза крохотными золотыми отсветами, но никаких особенных ощущений я не испытал.

– Пока это просто перстень, – подсказал мне Гораздов. – Магическое плетение почти готово, но еще не закончено. Возникло неожиданное затруднение, и мне нужна ваша помощь.

– Рад помочь, – улыбнулся я. – А что нужно делать?

– Поделиться магией, – сказал Гораздов. – Я как-то сразу не подумал, что у вас уникальный дар. Накопители с магией стихий можно купить на любом рынке. Магию жизни достать сложнее, но тоже можно. Достаточно обратиться к сильному целителю. Даже накопитель с магией смерти можно раздобыть, если нужно позарез, хоть это и запрещено законом. А вот магия тайновидца... Такой накопитель не достать ни за какие деньги. Поэтому я к вам и приехал.

– Мне никогда не приходилось делиться магией, – честно сказал я.

– Не уверен, что уникальную магию удержит обычный накопитель, – задумчиво ответил Гораздов. – Да и накопителей таких нет. Я даже не представляю, какой печатью можно удержать в накопителе магию тайновидца. Но я подумал, что вы можете поделиться своей магией прямо с перстнем. А я закончу магическое плетение и замкну контуры.

– Вы мастер, вам и решать, – улыбнулся я. – Что нужно

делать?

– Обычно маг держит накопитель в руке и представляет, как отдает в него силу, – сказал Гораздов. – Лучше закрыть глаза – так легче сосредоточиться. Подумайте о перстне и постарайтесь наладить с ним мысленную связь.

– Как будто посылаю ему зов? – усмехнулся я.

– Именно, – кивнул Гораздов.

Игнат тем временем закончил кулинарить и с интересом следил за нашими манипуляциями.

Я снял перстень и положил его на ладонь. Мне показалось, что так будет правильнее – ведь Знак в Храме Путей тоже держат на ладони.

Несколько минут я смотрел на вещицу, запоминая все детали, даже блеск света в угольно-черных гранях. Потом сжал ладонь, закрыл глаза и послал перстню зов – как будто это было живое магическое существо.

Мой первый зов ушел в пустоту. Но я не сдавался и попытался еще раз, потом еще. И наконец, услышал слабый отклик.

Перстень отзывался.

– Привет, – мысленно сказал я и почувствовал слабое касание магии. – Хочешь стать моим артефактом?

Еще одно касание, похожее на легкий укол. Я счел это выражением согласия.

– Отлично. Тогда тебе нужно взять часть моей магии.

В дальнейшем я почти не участвовал. Мой магический

дар общался с перстнем напрямую. Я ощущал только толчки в груди и странную щекотку – словно магия перетекала в перстень прямо внутри меня.

Когда это закончилось, я хотел открыть глаза. Но внезапно передумал. У меня появилось предчувствие, что прямо сейчас я могу узнать какую-то удивительную тайну. А таким предчувствиям я привык доверять.

– Ты можешь показать мне свое магическое плетение? – обратился я к перстню.

И в тот же миг в моем сознании вспыхнула яркая картинка. Изумрудные, рубиновые и перламутровые нити образовывали немыслимо сложный и очень красивый узор. Я попытался в нем разобраться, но быстро понял, что для этого нужен опыт, которого у меня не было. Надо же, насколько сложной может быть работа умелого артефактора. Ведь мастер свободно разбирается в таком плетении. И не только разбирается – он способен его придумать и создать!

Нити не просто светились. На моих глазах они двигались, переплетались между собой, замыкались в петли и связывались в узлы. Кажется, магическое плетение, получив недостающую энергию, достраивалось само собой, повинаясь изначальному замыслу мастера.

– Красиво, – улыбнулся я. – Но у меня от непривычки рябит в глазах. А ты можешь дать мне почувствовать твою магию?

На этот раз перстень откликнулся без раздумий. Я ощу-

тил мгновенное тепло магии жизни, ледяной холодок магии смерти, которой был заполнен защитный контур. Тяжесть магии земли – ведь перстень был сделан из металла, да и алмаз был творением этой магии. И множество разнообразных ощущений, которые я просто не успел уловить – так их было много. Но ясно я понял только одно – перстень, и в самом деле, был уникальным и в какой-то мере живым существом. А теперь, к тому же, он привязан только ко мне. Я не могу его потерять, и украсть его тоже никто не сможет. А если даже и исхитрится, никакой пользы похитителю от этого не будет.

Но вот все закончилось. Я открыл глаза. Гораздов выжидающе смотрел на меня. Игнат тоже застыл возле плиты, не сводя с меня глаз.

– С вами все в порядке, ваше сиятельство? – беспокойно спросил он.

– Лучше не бывает, – с улыбкой заверил я старика.

– Александр Васильевич, у вас получилось? – уточнил Гораздов.

– Да, – кивнул я. – Больше того, вам не придется заканчивать работу. Перстень сам завершил плетение.

– Не может быть, – недоверчиво воскликнул артефактор. – Вы позволите взглянуть?

Он протянул руку.

– Разумеется, – улыбнулся я, передавая ему перстень.

Чуткие пальцы мастера быстро ощупали вещьцу.

– Невероятно, – воскликнул Гораздов. – Но вы правы. Ра-

бота закончена.

– Очень сложное плетение, – сказал я. – И очень красивое.

– Вы смогли его увидеть?

Изумлению артефактора не было предела.

– Мельком, – честно признался я. – И почти ничего не разобрал. У меня ведь нет дара артефактора и вашего опыта.

– Это невозможно представить, – покачал головой Гораздов. – Но я вам верю. Выходит, еще одна тайна вам открылась?

– Получается, так, – улыбнулся я.

Гораздов вернул мне перстень.

– В таком случае, прошу вас принять этот артефакт. Теперь он ваш.

– Благодарю, Владимир Кириллович. Сколько я вам должен за работу?

Гораздов озабоченно нахмурился.

– Александр Васильевич, я в долгу перед вами. Вы спасли мою репутацию, помогли изменить жизнь. Прошу, не будем говорить о деньгах.

Он упрямо посмотрел на меня.

– Как скажете, Владимир Кириллович, – улыбнулся я. – Спасибо. Это замечательный подарок. Уверен, он мне очень пригодится.

– Я встроил в него защитную магию, – сказал Гораздов.

– Да, я ее почувствовал, – кивнул я.

– Блины остывают, – напомнил Игнат.

– И то верно, – спохватился я, снова надевая перстень на палец. – Прошу к столу.

Я повернулся к окну, чтобы получше рассмотреть перстень.

И тут мой магический дар снова дал о себе знать. Он гулко ударил в ребра. В глазах на мгновение потемнело, голова закружилась, и я схватился за подоконник, чтобы не упасть. На меня лавиной нахлынули небывало острые ощущения.

Теплый летний ветер. Едва заметное движение занавески.

Косые полосы солнечного света на кухонном столе. Блеск начищенного до красноты медного таза, который висел на стене. Огромная глубина летнего неба.

Пронзительный крик чайки над Невой. Далекий гул автомобилей на другом берегу.

Запах кофе и блинов.

Облегчение Гораздова – он до последнего опасался, что я не приму дорогой подарок.

Простая забота Игната, который специально встал на час раньше, чтобы испечь обещанные блины.

Мое собственное настроение – такое же легкое и солнечное, как летнее утро.

Я увидел это все с такой ясностью, словно только что родился. Впервые удивленно открыл глаза, и огромный мир навалился на меня. Я замечал и чувствовал все, что в нем происходит.

Потом ощущения схлынули, как будто чья-то рука забот-

ливо убавила их мощность. Но осталось чувство непривычной четкости.

Я ошарашенно покрутил головой. Ничего себе!

– Что с вами, ваше сиятельство? – крикнул Игнат, бросаясь ко мне.

Я улыбнулся, чтобы успокоить старика.

– Все в порядке, Игнат. Просто у меня неожиданно открылась способность.

Я опустил на стул, откинулся на спинку и посмотрел на Гораздова.

– Артефакт работает, Владимир Кириллович. Необычные ощущения, мне нужно к ним привыкнуть. Давайте, наконец, завтракать.

И мы стали пить чай с блинами.

Я разложил блин на тарелке и намазал его вареньем – густым, прозрачным, сваренным из целых ягод клубники. Варенье пахло медом, и я удивленно спросил об этом Игната.

– Господин Люцерн посоветовал добавить мед, – объяснил Игнат. – Сказал, что варенье так будет дольше храниться. Он и мед принес – свой, особенный.

Я понимающе кивнул. На Потаенной поляне водились особенные магические пчелы, и мед они делали изумительный – сладкий, душистый.

Игнат мечтательно улыбнулся.

– Когда я мальчонкой был, меня родители в деревне часто

за ягодой посылали. Дадут лукошко, и шагай вместе с другими ребятами. Лес густой был, темный – елки разлапистые. А за елками – ручей, и весь берег малиной зарос. Ох, и сладкая там малина росла, в огороде такую не вырастить!

– Медведи тебе там не попадались? – с улыбкой спросил я.

– Было дело, – ничуть не смущаясь, кивнул Игнат. – Как-то беру ягоду и слышу – кто-то ворочается в малиннике и ворчит недовольно. А слов не разобрать. Я поглядел, и показалось мне, что это дед в шубе. Даже смешно стало – летом, по жаре и в шубе. Собирает ягоду на четвереньках, губами чмокает, кусты ломает. А тут ветерок переменялся и подул от меня к нему. Дед как заворчит, встал на дыбы, и оглядывается. Я смотрю, а это медведь! Здоровый, выше человека ростом. Ох, и бежал я оттуда! Мигом в деревне очутился. Но лукошко с ягодой не бросил.

Мы с Гораздовым рассмеялись, слушая рассказ Игната. Настолько живо он описал недовольство медведя и свой внезапный испуг.

– Александр Васильевич, у меня к вам есть просьба, – вспомнил Гораздов, когда Игнат закончил рассказывать. – Вы не могли бы поговорить с туннелонцами?

– О чем именно? – улыбнулся я.

– У меня все готово к переезду в новую мастерскую. Но хотелось бы удостовериться, что такие необычные существа не против соседства со мной. И кроме того...

Гораздов замялся.

– Говорите смелее, – с улыбкой подбодрил я его.

– Вдруг им помощь нужна? – закончил Гораздов. – Оборудование или алхимическая посуда. Они ведь зельями занимаются.

– Попробую с ними поговорить, – кивнул я, ни на секунду не сомневаясь, что это идея моего деда.

Сотрудничество с магическими существами из другого мира могло принести немало выгоды роду Воронцовых, и Игорь Владимирович, конечно, не забыл об этом. На то он и патриарх рода, чтобы думать о важных вещах.

– Поговорю, – повторил я и взял с блюда еще один блин.

И тут Игорь Владимирович прислал мне зов:

– Саша, ты можешь прямо сейчас приехать в Воронцовку?
– напрямик спросил дед.

В его голосе я услышал тревогу.

– Что случилось, Игорь Владимирович?

– Погиб один из моих гостей. Это случилось только что, и я не знаю, что делать. Мне нужна твоя помощь.

Глава 7

– Кто погиб? – сразу же спросил я.

– Князь Михаил Александрович Куракин, – ответил дед.

– Ты его знаешь, мы с ним вместе ведем кое-какие дела.

– Да, я помню князя.

В голове возник образ тучного краснощекого старика с хитрым взглядом. Князь был богат – его предки сразу после Смуты скупили по дешевке земли вокруг столицы, которые раньше принадлежали мятежникам. Собственно, тогда многие сделали на этом состояние, но Куракины особенно постарались.

Непростым человеком был князь Куракин. Дела он вел только лично с Игорем Владимировичем, мой отец был для князя слишком незначительной фигурой. Я и встречался-то с князем всего пару раз, когда гостил в доме деда. Но хорошо запомнил его взгляд – холодный и оценивающий. Когда Куракин смотрел на меня, в его взгляде сквозило презрение. Я был еще ребенком, но чувствовал это.

– Что с ним случилось? – спросил я деда. – Его убили?

– Я не уверен, – растерянно сказал Игорь Владимирович.

– Наверное, нет. Но это очень странная смерть. Саша, приезжай поскорее, пожалуйста!

Этих слов было достаточно, чтобы я отодвинул тарелку и поднялся из-за стола. Если Игорь Владимирович так настой-

чиво просит приехать, значит, раздумывать не о чем.

– Выезжаю сейчас же, – сказал я деду. – Гости еще не разъехались?

– Гости собрались в столовой. Я пока ничего им не сказал, но обед уже задерживается. Скоро все начнут удивляться.

– Постарайтесь никого не выпустить из имения, – быстро сказал я. – Возможно, придется поговорить с кем-то из гостей.

– Хорошо, – немедленно согласился дед. – Я тебя встречу.

Владимир Гораздов вопросительно смотрел на меня.

– Что-то случилось, Александр Васильевич?

– Мне нужно срочно уехать, – сказал я. – Прошу прощения, но возникло неотложное дело. Еще раз благодарю за чудесный подарок. Я непременно поговорю с туннелонцами по поводу вашей мастерской и постараюсь уладить дело к общему удовольствию.

Гораздов тоже поднялся из-за стола и благодарно кивнул:

– Спасибо. Вы меня этим очень выручите, Александр Васильевич.

– К вечеру вернетесь, ваше сиятельство? – спросил Игнат.

– Не знаю, – честно ответил я. – Я пришлю тебе зов.

Я проводил артефактора до калитки и выгнал из гаража мобиль. Мотор нетерпеливо фыркнул и заурчал, словно застоялся в тесном помещении.

– Сейчас прокатимся, – пообещал я ему.

Имение Воронцовка затерялось в глухих лесах Карельского перешейка на берегу небольшого лесного озера. Никаких деревень поблизости не было – дед специально выбрал глухое местечко, где никто не мог бы нечаянно его потревожить.

Я выехал из столицы на Карельскую дорогу, которая петляла вдоль берега огромного Ладожского озера. Эта дорога вела в небольшой городок Карелу. В древние времена городок был важной сторожевой крепостью на границе. Времена давно изменились, граница Империи значительно отодвинулась, и Карела осталась сонным уездным городком вокруг серых башен и стен старой крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.